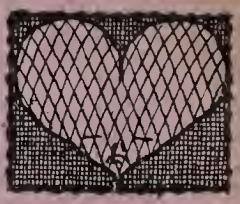
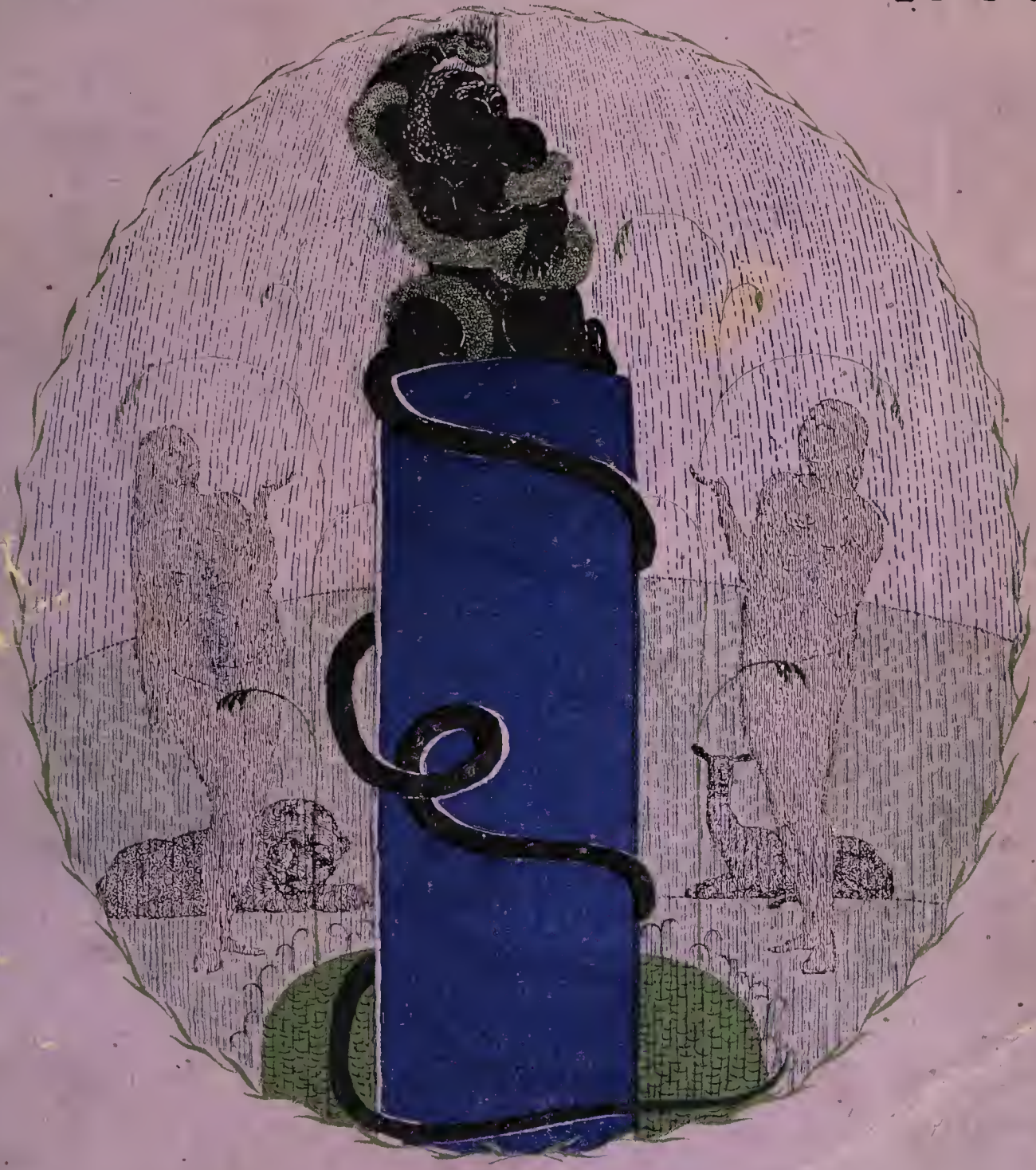
№ 2 20 коп.

АЛЬМАНАХЪ



ГОДЪ 1. ЕЖЕМѢСЯЧНО. 1906.



ЭКЗЕМАТИНЪ-УНИВЕРСАЛЬ „4930“

есть только дѣйствительный и настоящій

Изобрѣтателя Евстафія Петрова съ 1890 г.

отъ лишаевъ, ыпи, зуда, красноты кожи и проч. видовъ экземы и золотухи.

Награды, благодар. отзывы Гг. врачей и частныхъ лицъ

равно наставленіе и необх. совѣты приложены приложены при кажд. банкѣ. Цѣна 1 р. 25 к. у Евстафія Петрова, СПБ., Невскій, 106 кв. 12.

Въ Москвѣ Торгов. Домъ В. ФЕРРЕЙНЪ Никольскій соб. д.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДРАЖЕНІЙ.

Извлеченія изъ книги записей и нѣкотор. полученнхъ писемъ объ экзематинѣ

ЕВСТАФІЯ ПЕТРОВА.

Придворный Почет. Гофъ-медикъ А. Б—овъ 5 Мая 1899 г. удостов., что Экзематинъ Петрова, во многихъ случаяхъ при хронической упорной экземѣ, принесъ его больнымъ несомнѣнную пользу.

Дѣйст. Стат. Совѣт. Инженеръ В. Ф—въ 10 Декабря 1891 г. съ благодарностью свидѣтельств., что по совѣту Инженера К-ца, испытавшаго на себѣ цѣлебное дѣйствіе Экзематина Петрова, сталъ имъ пользоваться и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ совершенно излечился отъ упорной и тяжелой экземы, противъ которой безсильны были всѣ труды выдающихся врачей-спеціалистовъ и свѣтилъ науки въ продолженіи 12 лѣтъ.

Докторъ Медиц. А. К—нъ 5 Мая 1898 г. также съ удовольствіемъ свидѣтельствуетъ объ успѣшномъ дѣйствіи Экзематина Петрова, при накожныхъ сыпяхъ и преимущественно при экземѣ, испытанномъ лично на себѣ (продолженіе будетъ въ слѣд. №№.) и т. д. Сотни другихъ подобныхъ записей и писемъ, можно видѣть у изобрѣтателя ЕВСТАФІЯ ИВ. ПЕТРОВА, С.-Петербургъ, Невскій 106, кв. 12.

ИЗЯЩНОЕ и ЭЛЕГАНТНОЕ

МУЖСКОЕ ПЛАТЬЕ ГОТОВОЕ и ПО ЗАКАЗУ

большой выборъ матеріаловъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ.

Т-ый Домъ Невскій Базаръ

Невскій пр., № 51.

СЪ РАЗСРОЧКОЙ ПЛАТЕЖА

въ розницу по оптовымъ цѣнамъ, готовое и по заказу МУЖСКОЕ, ДАМСКОЕ, дѣтское и форменное платье, а также гром., выборъ **резиновыхъ мужскихъ и дамскихъ пальто** (макинтошей) въ Центральномъ Депо.

Т-го Д-ма Ю. ЯГЕЛЬСКОЙ и К°.

Лиговская, 43—45 противъ Никол. вокзала Телеф. 2501.

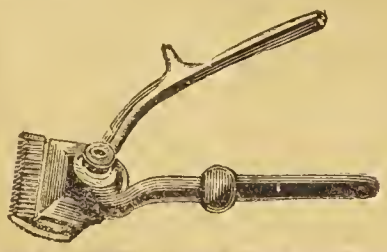
Перуин для УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЪ и УНИЧТОЖЕНІЯ ПЕРХОТИ.

Продается вездѣ по 1 р. 75 к. флак., или перес. прямо изъ оптов. склада

БАЗАРЪ МАРОКЪ С Петербургъ, Невскій, 20—2

съ упак. и перес. налож. платеж. за 1 флак. р. 95 к., за 2 флак. 3 р. 75 к.

Курсы бухгалтеріи
И. П. БАБЕНКО
ДЛЯ ЛИЦЪ ОБОЕГО ПОЛА.
Программы и проспекты высылаются безплатно. Владимірскій пр., 7.



Машинки для стрижки волосъ и машинки для бороды 2 р., 3 р., 4 р., и 5 руб.
Безопасныя бритвы 1 р. 50 к. 2 р., 3 р. к. 50 и дороже.
Ножи, ножницы, бритвы въ большомъ выборѣ.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

Т-во ПЛОХОВЪ и ГОТТАРДИ.

Магазины Садовая 9 и Невскій 14. С.-Петербургъ.

ГРАММОФОНЫ

заграничные и собственной фабрики.

Заводные отъ 10 р., Особо рекомендуемые Тонармы: Средней модели въ 40 р. и 55 р. большой 65 р., трехпружин. 85 р. и дор. Тонармы Акц. О-ва Граммофонъ отъ 60 руб.

Пластинки хорошаго исполненія по 75 к., 1 р. 10 к. и дороже.

Новый прейсъ-курантъ и списки пластинокъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34.—Москва, Кузнецкій мостъ.—Рига, Купеческая 9.

МЫЛО БЕРЛЕЙ

Приготовлено по особому старому англійскому рецепту

Самое лучшее и чистое мыло для всякаго употребленія. Для головы въ особенности. Для туалета съ очень нѣжнымъ запахомъ. Оно украшаетъ цвѣтъ лица и придаетъ постоянную свѣжесть кожѣ.

Цѣна 50 к. кусокъ. 7 кусковъ 3 руб.

Джонъ Кравенъ Берлей.

Неглинный проѣздъ д. № 232 Купеческаго О-ва, Москва.

и во всѣхъ первокласныхъ Аптекахъ, Аптекарскихъ и Парфюмерныхъ магазинахъ.

Отвергайте поддѣлку.

Продолжается подписка на 1906 г.

на новый литературно-художественный журналъ политической и общественной сатиры

АЛЬМАНАХЪ

Журналъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ размѣромъ около 70 страницъ съ рисунками и виньетками въ краскахъ.

Цѣна на годъ безъ доставки одинъ рубль

съ пересылкой и доставкой 1 р. 50 к.

Отдѣльный № 20 коп.

Участіе въ „Альманахѣ“ принимаютъ сотрудники „Зрителя“ и „Масокъ“.

Контора „АЛЬМАНАХА“: С.-Петербургъ, Невскій, 90—92.

Содержаніе:

	стр.
Откровеніе. ЧУЖЪ-ЧУЖЕНИНА	9
Мать. АННЫ К—СКОЙ	15
Мщеніе бѣднаго рыцаря. Стих. ЧА	17
Индусская легенда	19
Ночи. Стих. СЕРГѢЯ КЛ.	20
Иды марта еще не прошли. Б. ГЕЙЕРА	21
Угрюмое. М. БЫКОВСКАГО	23
Очень просто. Б. ГЕЙЕРА	24
Старые короли. Стих. В. С. ЛИХАЧЕВА	30
Голодъ. С. TRAMPER	31
Онъ. Б. К.	34
Счастливый случай. С. Г—ВА	36
Наоборотъ. Стих. ЮР. П.	41
Месть. Б. РОЗОВА	42
Думы журналиста. Стих. СТАРЫЙ ВОРОНЪ	48
Рѣчь. Б. Г—ВА	49
Прощаніе. Стих. ГИЛЬОМА ZZ.	54
Хитрый колобокъ. Сказка АФАНАСЬЕВЪ, НО НЕ ТОТЪ	56
Пойманная птичка. Стих. Ч. Ч.	58
1905 г. ГИЛЬОМА ZZ.	59
Смерть и жизнь. Набросокъ Н—ВА	62

Типографія Я. Балянскаго Забалканскій пр., д. № 18.

Откровеніе.

Трагедія въ одномъ явленіи съ превращеніями.

Аппартаменты какого-то государственнаго дѣятеля. Темно. Повсюду робкая и почтительная тишина. Самъ тайный совѣтникъ, во избѣжаніе возможныхъ въ наше время непріятностей и для самосохраненія на пользу отечества, проводитъ ночь въ ванной комнатѣ, запертой на нѣсколько замковъ.

Тихо и темно.

Вдругъ едва слышный шорохъ привлекаетъ вниманіе тайнаго совѣтника. Онъ безпокойно приподнимается и выглядываетъ изъ ванны.

Т. совѣтникъ.

Кто здѣсь? за ванной? въ поздній часъ
Ты—сыщикъ или бомбъ метатель?
Отвѣть, наглецъ!

Духъ.

Я—это!.. Я-съ!..
Вашъ геній, ваше—ство, вашъ духъ и почитатель!
Я—призракъ, тѣнь, ничто... Я—духъ!

Т. совѣтникъ.

Однако, ты тревожишь слухъ
И взоръ мой на тебѣ зритъ нѣчто въ родѣ шубы...
Какъ ты, мой духъ, попалъ сюда,
Когда
Всѣ крыши, форточки и трубы
И весь мой домъ,
Давно объятый сномъ,
Весь полонъ сыщиковъ кругомъ?

Духъ.

Мнѣ это, ваше—ство, буквально нипочемъ!
Ктому же сыщики... нельзя сказать, что грубы,
Но съ самыхъ юныхъ лѣтъ сыскные ваши клубы
Претятъ душѣ. И я тайкомъ,
Ничкомъ,
Ползкомъ
Проникъ чрезъ щель въ какой-то половицѣ...
Усталъ... и больно въ поясницѣ...
Какъ, ваше—ство, у васъ здѣсь воздухъ спертъ...
На что я—безъ претензій чортъ,
И то спирается дыханье!
Вотъ служба!..

Т. совѣтникъ.

Ты ко мнѣ явился на свиданье?
Интервьюировать меня ты во время пришелъ,
Я, было, ужъ ко сну съ молитвой отошелъ,
Да что-то не спалось... Нѣтъ мѣста сновидѣнью...
Болтай, болтай... Пищеваренью,
Надѣюсь, разговоръ съ тобой не повредитъ?

Духъ.

Напротивъ! Онъ улучшитъ аппетитъ,
И грезы снизойдутъ—кокетливы и странны...
Позволите присѣсть на самый кончикъ ванны?
Мерси... А то тружусь, тружусь,
Измученъ я работой неустанной...
Извольте, ваше—ство, узнать,
Что мой визитъ въ такое время
Совсѣмъ особенная стать:
Въ аду—мятежъ объялъ все наше племя...
Случилось намъ въ газетѣ прочитать,
Что вы амнистію хотите даровать!
Мы, ада граждане, серьезно взволновались.
Зачѣмъ тогда патроны расточались?
Зачѣмъ съ участіемъ ребятъ
Вы на землѣ устраивали адъ?
Амнистія?.. теперь?.. О, какъ неполитично.
Ихъ миловать? гражданъ россійскихъ? Неприли чно
Ужели, ваше—ство, со смутой конченъ споръ?

Т. совѣтникъ.

Что? кончено? Вотъ вздоръ!..
Все врутъ газетные писаки-хулиганы...
Амнистія? Кому?! Амнистія? Позоръ!!!
Что-жъ мы, по-вашему, ослы и истуканы?!

Духъ.

Я такъ и зналъ! я счастливъ, радъ!..
О, мой почтенный дипломатъ,
Зачѣмъ устраивать нелѣпый маскарадъ
И Персію вводить въ смущенье,
Когда и такъ вездѣ терпѣнье и терпѣнье...
Во мнѣ привѣтствуетъ васъ адъ,
И завтра тиснемъ мы у насъ опроверженье,
Что на землѣ царитъ и трусъ, и моръ, и гладъ...
Какой пріятный мигъ! Я—чортъ, а сердце бьется...
Ахъ, ваше—ство, едва-ль еще когда придется
Минуточку отнять отъ вашихъ важныхъ дѣлъ,
Такъ я сказать бы вамъ хотѣлъ...
Позволите?..

Т. совѣтникъ.

Ну что жъ? Скажи, пострѣлъ!

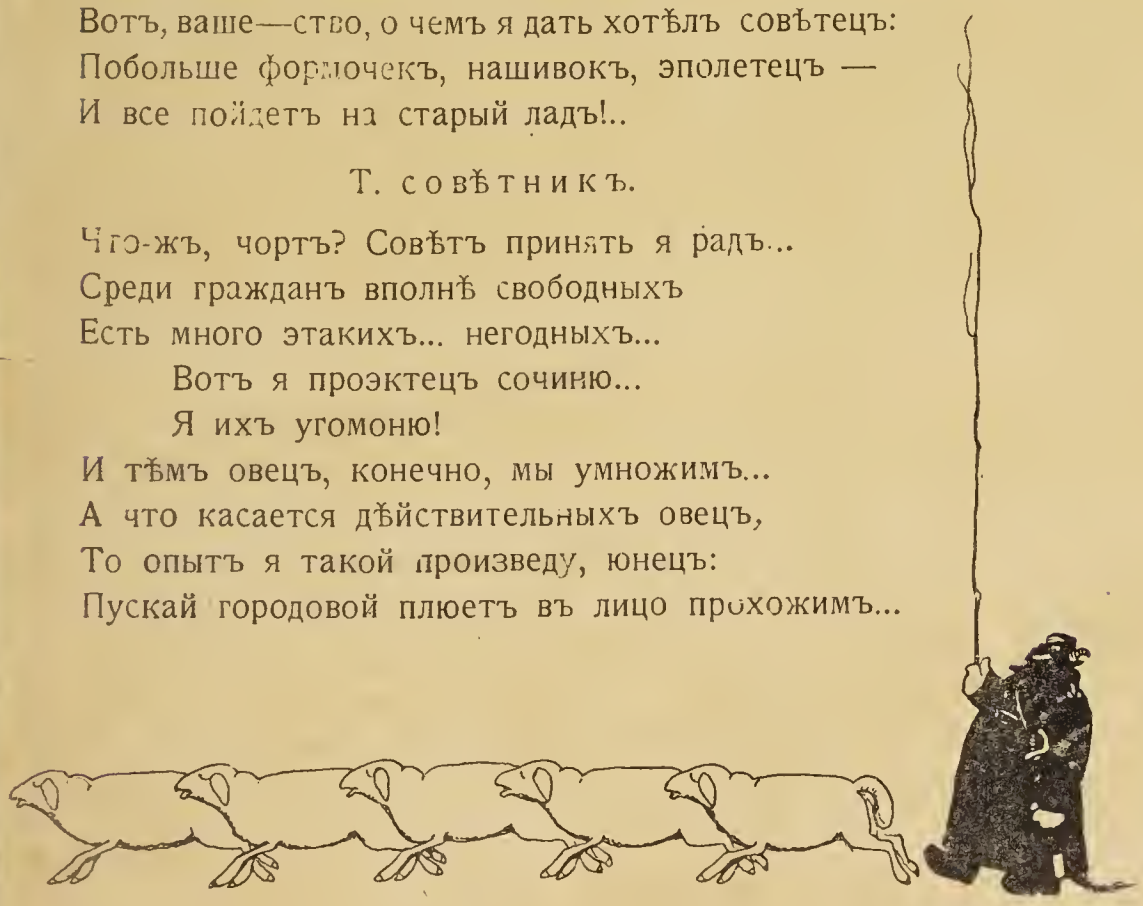
Духъ.

Ужъ очень, ваше—ство, вы стали... демократны...
И даже, такъ сказать, сугубо деликатны!
Извольте посудить: россійскій гражданинъ,
Въ толпѣ ли онъ, втроемъ, вдвоемъ или одинъ,
Не болѣе, какъ смирная овечка.

Ударите—молчитъ,
А если заворчитъ,—
Надѣнется уздечка
И снова жалкій видъ...
Россійскій гражданинъ протестовать не можетъ.
Скорбѣть онъ поскорбитъ, себя, другихъ погложетъ,
А тамъ махнетъ рукой:
Пойдетъ, куда пошлютъ: на плаху иль домой...
Поплачетъ подъ сурдину...
Такъ неужель жалѣть подобную скотину?!
И чѣмъ амнистію давать,
Не проще-ль все совсѣмъ отнять...
Поропщетъ средь друзей, но требовать не станетъ,
А какъ на казака иль на нагайку глянетъ,
Такъ что? Покорнѣе овцы!
Конечно, есть средь нихъ такіе наглецы,
Что могутъ заявлять претензіи, протесты...
Но вѣдь для тѣхъ есть обыски, аресты
И способовъ различныхъ тьма...
Мнѣ-ль васъ учить, носителя ума?!
Вотъ, ваше—ство, о чемъ я дать хотѣлъ совѣтецъ:
Побольше формочекъ, нашивокъ, эполетецъ —
И все пойдетъ на старый ладъ!..

Т. совѣтникъ.

Что-жъ, чортъ? Совѣтъ принять я радъ...
Среди гражданъ вполнѣ свободныхъ
Есть много этакихъ... негодныхъ...
Вотъ я проэктецъ сочиню...
Я ихъ угомоню!
И тѣмъ овецъ, конечно, мы умножимъ...
А что касается дѣйствительныхъ овецъ,
То опытъ я такой произведу, юнецъ:
Пускай городовой плюетъ въ лицо прохожимъ...



Они не смѣютъ обтирать,
А если будутъ бунтовать,
То шашкой бить... не по спинѣ, по рожамъ!
Тогда наступитъ благодать...
Ну, чортъ, прощай! Хочу я спать...
Вдвоемъ съ тобою все мы сможемъ!

ЧУЖЪ ЧУЖЕНИНЪ.

Мать.

(Передъ картиной Рибейры)

„Плачетъ Рахиль о дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшиться—ибо ихъ нѣтъ!“.

Я вижу ее, какъ живую: это Марія—Мать. Не молодая и гордая Сыномъ своимъ красавица-мать.

Нѣтъ, другая. Старая женщина, старая несчастная Мать уже распятаго Сына.

Та Мать, которая видѣла, которая пережила весь ужасъ ожиданія, всю муку, всю агонію казни... Та мать, которая раздирала на себѣ одежды, билась старой головой о землю и съ безумными воплями взывала къ Богу и къ людямъ...

Та Мать, которая все еще продолжаетъ страдать, когда страданія Сына ея уже прекратились. Она страдаетъ еще,

ибо страшный палачъ—воспоминаніе—вновь и вновь ведетъ Ее на Голгофу, вновь и вновь распинаетъ..

Какой ужасъ! Какая бездна отчаянія! страшно глядѣть на эту Мать. Она вся—вѣчно раскрытая рана, она вся—несмолкающій вопль... Ея измученное лицо желто, какъ пергаментъ; распухшія вѣки красны; бѣдные глаза ея почти слѣпы—сколько они пролили слезъ!..

И все еще плачетъ Скорбящая, все еще плачетъ Неутѣшная!

Чѣмъ утѣшить тебя, Мать?.. Быть можетъ, тѣмъ, что ты—не одна? Что съ тѣхъ поръ, какъ ты претерпѣла великую муку твою, много другихъ матерей познали весь ужасъ ея?

Много другихъ матерей рождали сыновей, несшихъ міру любовь и борьбу,—и тяжкой мукой заплатили за это.

Какъ у тебя, и у нихъ отняли сына,—но ты оплакала трупъ, а имъ не вернули и трупа. Какъ у тебя, и у нихъ вырвали сердце, какъ и ты, онѣ обезумѣли отъ боли... Ты плачешь, неутѣшная Мать! Чѣмъ утѣшить тебя?.. Быть можетъ тѣмъ, что твой сынъ—не одинъ? Что съ тѣхъ поръ, какъ фарисеи распяли Его, много другихъ сыновей отдаютъ себя на пропятіе во имя Бога своего!

И другіе фарисеи распинаютъ ихъ. И другая чернь глумится надъ ними—и снова ужасъ и мракъ на вершинѣ Голгофы!

Ты плачешь, неутѣшная Мать! Чѣмъ утѣшить тебя?.. Быть можетъ тѣмъ, что распятый сталъ Богомъ?

Всѣ распятые—боги! И какъ древніе боги, они сходятъ на землю и, незримые, борются вмѣстѣ съ живыми.

Они борются противъ гнета и мрака, противъ Іудъ, Фарисеевъ, противъ Голгоѳы!

Всѣ распятые—боги! Эти боги помогаютъ героямъ. Герои и боги одержатъ побѣду!

Ты плачешь, неутѣшная Мать, и ничѣмъ не утѣшить тебя!

Ты вся—вѣчно раскрытая рана, ты вся—несмолкающій вопль...

Слезами всѣхъ несчастныхъ матерей, ты плачешь надъ всѣми распятыми сыновьями!..

АННА К—СКАЯ.

Мщеніе бѣднаго рыцаря.

О Юлія моя, мой бѣденъ арсеналъ,
Языкъ просить усталъ, глаза даютъ осѣчку;
Какъ путь мнѣ проложить къ упрямому сердечку?
Скажи, или смотри—для мести мигъ насталъ:

Въ Бастилію свою вернувшись въ часъ ночной,
Я на стѣнѣ своей повѣшу щитъ и знамя.
— О милые друзья!—И съ самъ повѣшусь съ вами,
Какъ рыцарь истинный, не дрыгнувши ногой!

Ага!—вздохнула ты—то облегченья вздохъ,
Не рано ли сводить тебѣ съ Діего счеты...
Придетъ пора—со мной увидишься еще ты,
Тогда и подведешь любви моей итогъ...

Когда съ Донъ-Педро вы пойдете подъ вѣнецъ
И патеръ руки вамъ соединитъ на вѣки...
Сорвусь тутъ съ петли я... и хватитъ у калѣки
Умѣнья отравить—восторгъ младыхъ сердецъ...

Въ тотъ мигъ, когда звучитъ вашъ свадебный хоралъ,
Пробравшись въ твой альковъ (хоть это непрелично),
У ложа твоего повѣшусь я вторично.
О Юлія моя: мой бѣденъ арсеналъ..

ЧА.

Индусская легенда.

Старый индусъ, сидя подъ развѣсистыми, пышными листами банана, началъ свой разсказъ:

«Слава великому! На берегахъ священнаго Ганга, гдѣ блѣдно-розовые лотосы смотрятся въ прозрачныя воды, гдѣ тигры, кровожадно мурлыча, сходятся на водопой при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца»...

— Ближе къ дѣлу, старина,—сказалъ я.

— Пропустить?

— Ну да, обойдите всѣ формальности.

Старый индусъ, покачавшись въ раздумьѣ, проговорилъ: «Итакъ злой духъ въ образѣ крокодила съѣлъ поэта. Слава великому!»

— Какого? За что?

— За пѣсни о справедливости и еще тамъ кой о чемъ...

— За что же?

— Ну, знаете, тутъ была замѣшана политика. Вообще—оставимте этотъ разговоръ! Слава великому!

— Такъ-таки безъ суда и слѣдствія? А?

— Пришелъ и слопалъ.

— Ну-ну...

— Что подѣлать! Это теперь принято.

— Положимъ.

— А жаль, что вы не хотите послушать всей легенды.

— Нѣтъ ужъ, merçi... Такъ-таки пришелъ и сожралъ? Не пой, молъ?..

— Да-да, какъ вообще очень просто. Да вы что, будто нездоровы?

— Нѣтъ ничего, merçi, merçi... Удивительно жизненная легенда! Благодарю васъ. Побѣгу кое-что дома убрать. А то какъ бы того... крокодилъ-то...

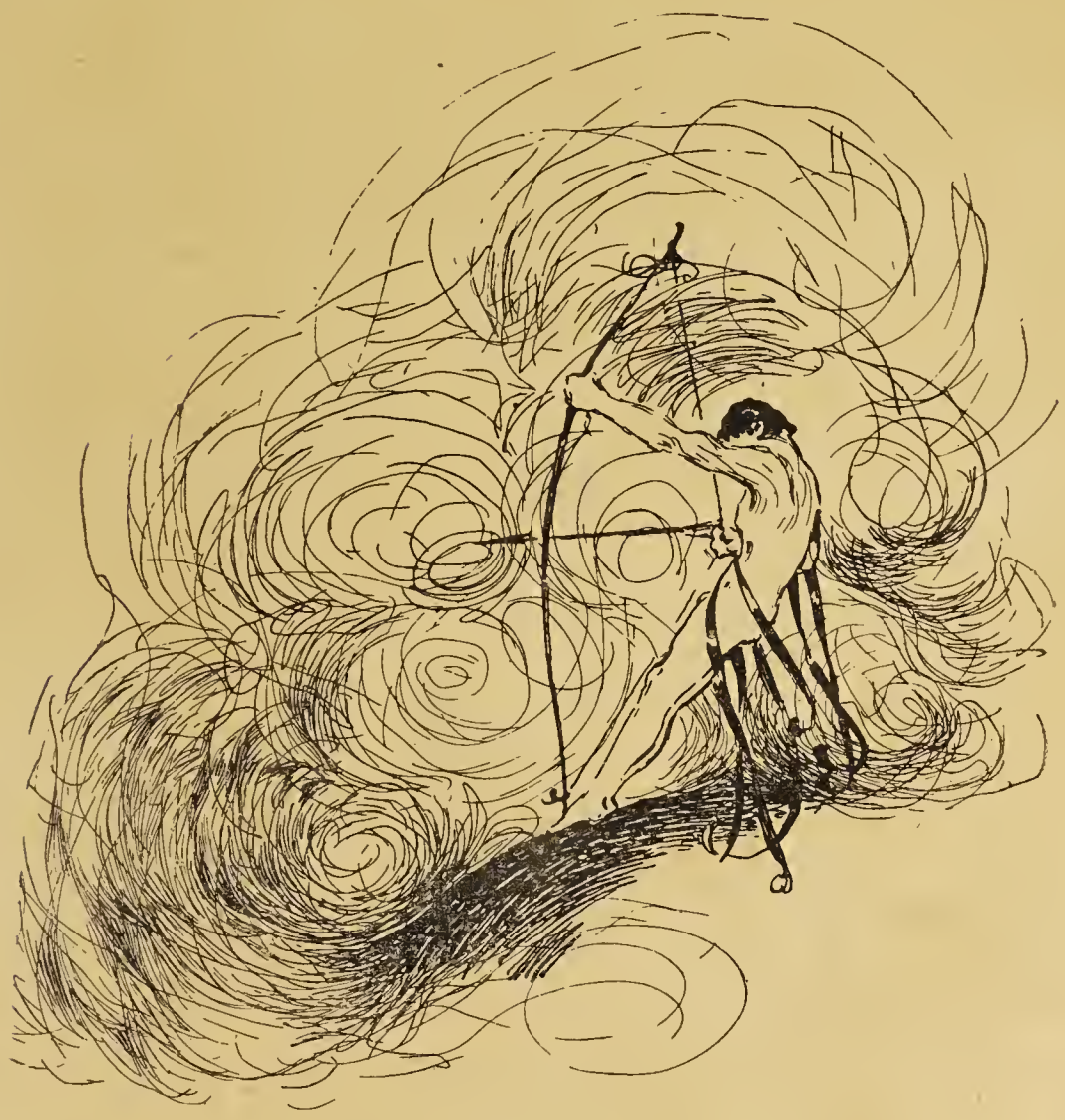
— До свиданія. Захаживайте!

Старый индусъ въ бѣлоснѣжномъ тюрбанѣ остался сидѣть подъ пышными листами могучаго банана.

Сквозь чащу ліанъ слышался ревъ разъяреннаго тигра, борющагося съ удавомъ.

Порхали калибри.

Слава всевышнему! Слава великому! Слава!



Ночи.

I.

Мертвая ночь... На окраинахъ города,
Въ снѣжныхъ сугробахъ, избушки убогія.
Выбиты окна и двери растворены...
По полу пятна виднѣются красныя...
Вьюга врывается съ бѣшеной злобою.
Мечется, стонетъ, слѣпая и дикая...

Столъ подъ иконами сумрачно-строгими...
Пластъ неподвиженъ на немъ подъ рогожами...
Вьюга срываетъ ихъ съ визгомъ и хохотомъ...
Ужасъ безмолвія!.. Судоргой сдавлено,
Въ каждой чертѣ онѣмѣло страданіе...
Страшно!.. Доносятся вьюги рыданія,
Какъ похоронное пѣніе...

. . . . . .

Боже!.. терпѣніе!..

II.

Черная ночь... Надъ рѣкою, закованной
Въ плиты гранитныя, къ небу беззвѣздному
Высятся гордо громады изъ мрамора.
Окна сверкаютъ огнями безсчетными,—
Въ пышныхъ палатахъ веселія оргіи...
Лица мелькаютъ, какъ пятна кровавыя..

Цѣпкія руки, безстыдныя, алчныя,
Тянутся къ кубкамъ вина золотистаго...
Лживыя рѣчи, хвастливыя, наглыя...
Пошлая музыка, пьяное пѣніе...
Въ окна виднѣется красное зарево...

. . . . . .

Боже, терпѣніе!..

СЕРГѢЙ КЛ.

„Иды марта еще не прошли".

(Иллюстрація къ трагедіи Юлія Цезаря).

Пируетъ Цезарь. Въ разукрашенныхъ золотомъ чертогахъ, среди цвѣтовъ, поютъ ему хвалебный гимнъ. Юныя, стройныя дѣвушки танцуютъ и манятъ и дразнятъ своимъ обнаженнымъ тѣломъ старыхъ сенаторовъ И высоко поднявъ чашу съ старымъ янтарнымъ виномъ, провозглашаетъ тостъ за красоту самъ Цезарь.

Старый городъ ворчитъ. Тамъ, на окраинѣ, гдѣ нищета и трудъ свили свое гнѣздо, средь грязи и тьмы, шумитъ толпа.

— Работы!—несется грозный гулъ голосовъ.—Работы!! Пойдемте къ Цезарю. Пусть дастъ намъ работы.

Высоко надъ толпой, съ длинными развѣвающимися космами сѣдыхъ волосъ, стоитъ прорицатель и голосъ его покрываетъ на мигъ шумъ толпы.

— Не ходите къ Цезарю!—кричитъ онъ.—Не ходите. Ждите иды Марта.

— Иды Марта, иды Марта,—гудитъ безпокойно толпа и смутный страхъ и надежда и злоба слышны въ ея гулѣ...

Пируетъ Цезарь. А среди приближенныхъ, угодливыхъ, рабскихъ, замѣтны смущеніе, страхъ.

— Ты слышалъ, что сказалъ вчера прорицатель Цезарю? „Помни иды Марта“.

Но Цезарь спокойно смѣется. Льются стройные звуки арфъ, и средь аромата цвѣтовъ и курильницъ хоръ поетъ славу...

Идетъ, растетъ молва. На сѣверѣ вспыхнулъ мятежъ. Рабы убили своего господина. Толпа требуетъ работы. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ голодъ. И воздухъ полонъ одной лишь фразой, странной, непонятной, жуткой—„помни иды Марта“.

Тѣнь пробѣгаетъ по лицу властелина. Подозрительно смотритъ онъ на своихъ приближенныхъ и отъ его взгляда замолкаютъ пѣсни, тускнѣетъ свѣтъ. Но со всѣхъ сторонъ летятъ уже гонцы.

— Цезарь! Мятежъ подавленъ. Снова покорны рабы. Изъ житницъ твоихъ голодающимъ дано зерно и они славословятъ тебя. Найдена работа для безработныхъ и миръ, тишина по всей странѣ царятъ попрежнему.

И улыбается Цезарь. И снова безпечно пируетъ онъ со своими друзьями. Льется алое, какъ кровь, вино на пурпуръ тканей. Играетъ мягкій свѣтъ на золотѣ чашъ и звонъ ихъ переплетается съ звономъ бубна.

И склонясь къ Циннѣ и Кассію, тихо шепчетъ Брутъ:

— Иды Марта еще не прошли...

Б. ГЕЙЕРЪ.

Угрюмое.

Обрывки мыслей и настроеній.

Бацъ! —раздалось за овинами... Сумракъ холодный ползетъ.
— Правда-ли, мамка,—нонѣ въ деревнѣ чужіе ночуютъ?
Окрикъ раздался вдали. Мать промолчала. Ужасъ ростетъ...
Ель все шумитъ. Завыли собаки,—недоброе чуютъ.
Конный проѣхалъ... Господи, Господи, милостивъ буди!..
Ближе и ближе шаги,—вонъ и чужіе, идутъ.
Какъ они здѣсь очутились?.. Бѣдные, темные люди...
Кромѣ Тебя, кто сохранитъ ихъ, темныхъ людей, кто пойметъ!..

. . . . . .

Колоколъ глухо звонитъ,—въ церковь на службу зоветъ.
Старый священникъ черныя ризы свои надѣваетъ.
Чей-то гнусавый, совсѣмъ незнакомый мнѣ, голосъ поетъ...
Сонъ если это,—темная сила его навѣваетъ.
Слезы невольно бѣгутъ. Но не вижу нигдѣ я гробовъ...
Ноги совсѣмъ отнялись... шатаетъ всего... губы дрожатъ...
Кто то сказалъ:—Въ царствѣ Своемъ помяни усопшихъ рабовъ...
Надо уйти поскорѣе отсюда,—здѣсь ужасъ и адъ;
Прямо—все трупы и трупы, а сзади—деревни горятъ...

. . . . . .

Пой, родина-мать, пой гимны печали въ честь павшихъ сыновъ.

М. БЫКОВСКІЙ.

Очень просто.

I.

— Шура уже навѣрно дома,—думалъ Петръ Ивановичъ, трясясь на скверномъ извозчикѣ.—Запоздалъ малость.

Онъ усѣлся поудобнѣе и задумался. Пріятная теплота отъ выпитаго вина разливалась по тѣлу и все казалось такимъ хорошимъ, устроеннымъ. Въ гостяхъ, гдѣ былъ Петръ Ивановичъ, были все милые, привѣтливые люди. Въ винтъ онъ выигралъ три рубля. За ужиномъ подали очень хорошіе артишоки, а Петръ Ивановичъ ихъ особенно любилъ.

— Жаль только, что Шуры не было,—вздохнулъ слегка Петръ Ивановичъ.—Ну, за то у подруги навѣрно хорошо веселилась

Незамѣтно его мысли перенеслись на домъ, на жену. И тамъ тоже все представлялось ему въ хорошемъ, свѣтломъ видѣ. Жену онъ свою любилъ и она его тоже. Жили мирно, въ удовольствіяхъ себѣ не отказывали, квартирка была маленькая, но уютная, со всякимъ комфортомъ. Петръ Ивановичъ получалъ кругленькое содержаніе въ одномъ изъ частныхъ банковъ и жилъ припѣваючи.

Только за послѣднее время иногда что то незамѣтное, но острое и больное, нарушало мирный покой Петра Ивановича. Онъ былъ человѣкъ отзывчивый, кое-что читалъ, интересовался общественной жизнью, и вотъ когда нача-

лась борьба, когда начались дикія насилія и ужасы, спокойствіе Петра Ивановича тогда нарушилось. Вначалѣ онъ пробовалъ относиться ко всему объективно, а когда это ему не удалось, онъ бросилъ читать газеты. Однако, и это ему не помогло. Слухи, ужасные, кровавые, проникали какими то путями въ чистенькую, уютную квартирку Петра Ивановича и временами выводили его изъ себя.

Но такое настроеніе проходило и опять все шло по прежнему, тихо и спокойно.

И сейчасъ ему казалось все милымъ и хорошимъ. Улицы были тихи, городовые неподвижно стояли на своихъ постахъ, не было суеты, шума.

II.

Петръ Ивановичъ подкатилъ къ своему дому, поднялся по полутемной лѣстницѣ и позвонилъ.

— Барыня дома?—спросилъ онъ заспанную горничную.

— Нѣтъ еще, баринъ.

Петръ Ивановичъ немного удивился.

— Долго же она,—подумалъ онъ. Онъ походилъ еще нѣкоторое время по кабинету, потомъ прошелъ въ спальню медленно раздѣлся и легъ. Часы пробили два. Въ душѣ Петра Ивановича что то зашевелилось.

— Что же Шура, однако,—съ безпокойствомъ проговорилъ онъ.—Пора бы!—и отъ того, что жена запоздала, имъ овладѣло раздраженіе.

— Я торопился, а она видно и забыла о моемъ существованіи. Весь вечеръ мнѣ портитъ.

Онъ завертѣлся на кровати, посмотрѣлъ на свои часы, лежавшіе у изголовья, и покачалъ головой.

Было тихо. Съ улицы доносились изрѣдка глухіе голоса, гдѣ то прогудѣлъ фабричный гудокъ, длинно, длинно, а потомъ опять наступила тишина и тогда было слышно, какъ торопливо тикали часы Петра Ивановича.

III.

Рѣзкій звонокъ заставилъ его вздрогнуть и очнуться отъ дремоты. Петръ Ивановичъ слышалъ, какъ быстро по-

бѣжала отпирать дверь горничная, какъ кто то вошелъ и тяжело опустился на стулъ. Ему даже почудился легкій вскрикъ.

— Баринъ, баринъ!—испуганнымъ голосомъ звала горничная.

Петръ Ивановичъ вскочилъ, накинулъ халатъ и побѣжалъ въ прихожую.

Въ передней онъ увидѣлъ свою Шуру, и хотя это была несомнѣнно она, онъ не сразу себѣ это ясно представилъ. Она сидѣла на стулѣ, низко наклонивъ блѣдное, какъ снѣгъ, лицо. Юбка была вся въ грязи и снѣгу, еще не успѣвшемъ растаять, пальто на плечѣ разодрано, прическа растрепана и шляпа съѣхала на бокъ, тоже грязная и помятая.

Шура тихо всхлипывала и не шевелилась. У Петра Ивановича задрожали ноги и въ головѣ вдругъ сразу какъ то стало пусто, а все окружающее—рѣзко и отчетливо, будто онъ смотрѣлъ сквозь сильные очки.

— Шура, что съ тобой, милая, что съ тобой? — безсвязно лепеталъ Петръ Ивановичъ, хватая ее за плечи, за руки.

Она хотѣла что то отвѣтить, но слезы не дали говорить. Все сильнѣе и сильнѣе вслипывала она и наконецъ зарыдала громко, визгливо, какъ обиженный ребенокъ.

Петръ Ивановичъ суетился. Онъ поилъ ее водой, цѣловалъ, а горничная помогала снять разорванную кофточку, шляпу.

— Били, били,—сквозь рыданія могъ разобрать теперь Петръ Ивановичъ, и Шура пугливо озиралась и жалась къ нему.

— Били!?. Кто? Хулиганы?—лепеталъ Петръ Ивановичъ и ужасныя картины вставали передъ нимъ.

Шура немного успокоилась.

— Не хулиганы,—прошептала она.—Казаки... я вышла отъ Нади, извозчиковъ не было... Навстрѣчу шли человѣкъ десять, должно быть, рабочихъ... не знаю. Вдругъ налетѣли казаки, четверо... впрочемъ, не помню; можетъ быть, больше... Тѣ побѣжали, а меня, меня...

Она снова залилась слезами, вздрагивая и ежась отъ ужаса воспоминія.

— Тебя били! вскрикнулъ Петръ Ивановичъ.

— Одинъ меня ударилъ нагайкой, я упала... Они уска-

кали, кто то меня поднялъ, въ аптеку свезъ... Петя, милый, да что же это такое!—закричала она вдругъ, ломая руки.—За что же такое униженіе!

Петръ Ивановичъ бѣгалъ по комнатѣ, сжимая въ бѣшенствѣ кулаки. Его жену били, втоптали въ грязь, оставили лежать одну, безпомощную. На глазахъ его стояли слезы.

— Шурочка, дорогая,—шепталъ онъ.

IV.

Петъ Ивановичъ не могъ заснуть. Рядомъ лежала успокоившаяся, усталая Шура и спала, изрѣдка вздрагивая. Въ головѣ мчался вихрь мыслей и Петръ Ивановичъ никакъ не могъ собрать ихъ въ стройное цѣлое. Только одна мысль рѣзко и ясно выдѣлялась изъ остальныхъ:

— Какъ это просто, какъ удивительно просто. Ударили, ускакали и все.

Наступило хмурое утро. Окна посинѣли и желтый домъ напротивъ, съ мокрыми подтеками, смутно вырисовывался въ сумракѣ.

Петръ Ивановичъ ворочался съ бока на бокъ и все думалъ, что ему теперь дѣлать. И досадное чувство, что онъ робокъ, непріятно кололо его самолюбіе.

V.

Утромъ Петръ Ивановичъ написалъ оффиціальную жалобу и поѣхалъ справляться въ участокъ, какого полка могли быть казаки, бившіе его жену.

Давъ три рубля околодочному, Петръ Ивановичъ узналъ, что ему было надо, и это нѣсколько утѣшило его. Когда рослый, здоровый городовой подалъ ему пальто и услужливо распахнулъ дверь, Петръ Ивановичъ покосился на него со злобой.

— Изъ одной шайки,—подумалъ онъ, но въ то же время рука машинально опустилась въ карманъ и онъ далъ ему двугривенный.

По дорогѣ въ полковую канцелярію Петръ Ивановичъ зашелъ въ ресторанъ, выпилъ двѣ рюмки и закусилъ, послѣ чего ему стало какъ то легче и волненіе немного улеглось.

Онъ вспомнилъ о женѣ и она представилась ему уже не какъ оскорбленная, а какъ больная. Петръ Ивановичъ завернулъ рядомъ въ фруктовую и накупилъ разныхъ закусокъ и фруктовъ къ ужину.

— Это ей будетъ пріятно,—подумалъ онъ и улыбнулся. И тутъ же, какъ то невольно подумалъ о томъ, сколько это происшествіе ему обошлось.

—Ужъ рублей въ девять вскочило!—подумалъ онъ, садясь на ожидавшаго его извозчика.

VI.

Полкового командира ему не удалось видѣть. Дежурный офицеръ, вышедшій къ Петру Ивановичу, слушалъ его разсѣянно.

Петръ Ивановичъ путался и видимо волновался, точно робѣя.

— Бываетъ,—перебилъ офицеръ.—При такихъ случаяхъ бываютъ разныя прискорбныя недоразумѣнія. Что тутъ подѣлаешь.

— Какъ что?—воскликнулъ Петръ Ивановичъ.—Но я требую разслѣдованія!

— Хорошо, хорошо разслѣдуемъ.—Офицеръ взялъ изъ рукъ Петра Ивановича бумагу и повернулся къ нему спиной.

— Что съ ними подѣлаешь, — подумалъ Петръ Ивановичъ, снова садясь на извозчика. Онъ былъ разсерженъ и оскорбленъ.

Но уже на полдорогѣ онъ себя утѣшилъ.

— Чортъ съ ними,—рѣшилъ онъ.—Заявленіе принялъ, значитъ, дѣло пойдетъ. А я еще письмо въ редакцію какой нибудь газеты напишу.—И обрадованный счастливою мыслью Петръ Ивановичъ пріѣхалъ домой почти веселый.

Вечеромъ онъ сочинилъ письмо и оба съ женой долго спорили, подписываться подъ нимъ или нѣтъ. Письмо было рѣзкое, взывало къ гражданамъ о протестѣ противъ насилій и заканчивалось фразой: «долой всякія охраны, долой самоуправство!»

— Зачѣмъ афишировать свою фамилію,—говорила Шура.—Подпиши просто «пострадавшій обыватель», вѣдь такихъ навѣрно много. Не мы одни.

Петръ Ивановичъ согласился и письмо было отправлено.

За ужиномъ Шура достала бутылку стараго вина и обоимъ, усталымъ отъ пережитыхъ волненій, вдругъ почему то захотѣлось смѣяться и веселиться. Петръ Ивановичъ былъ особенно нѣженъ съ женой и даже обѣщалъ подарить ей новое платье.

Это былъ хорошій вечеръ.

Б. ГЕЙЕРЪ.

Старые короли.

(Изъ «Фресокъ» Эм. Верхарна).

Вы обезпложены столѣтіями скуки
И цѣломудріемъ посмертнымъ. Ваши руки?
Изъ чугуна! Сердца? Изъ бронзы и ночей!
А ногти и глаза? Изъ дорогихъ камней!

Съ лучами черными свѣтила безъ движенья;
На черномъ деревѣ престоловъ—украшенья
Изъ золота; въ глазахъ—застывшія мечты,—
И, какъ прибрежныхъ скалъ, размѣрены черты.

То—старцы страшные и старые, какъ море,
Глядятъ, чтобъ отразить весь міръ земной во взорѣ;
Запросовъ небесамъ безоблачнымъ не шлютъ
И тайну мрачную, какъ скряги, стерегутъ.

Вы злобны, какъ мечи въ рукахъ, съ угрозой сжатыхъ,
Подъ сѣнью гордыхъ митръ и копій синеватыхъ;
Роняетъ блескъ на васъ отравленная сталь—
И ужасъ вашихъ лицъ мертвитъ нѣмую даль.

И сами такъ же вы безмолвны. Въ кольцахъ ноги
Вамъ лижетъ леопардъ—и женщины, въ тревогѣ,
Что въ мигъ одинъ вашъ взглядъ убьетъ ихъ какъ стрѣла,
Напрасно кажутъ вамъ упругія тѣла.

И сохнетъ мозгъ у васъ, отъ вѣка притупленный,
Убійствъ и колдовства тѣнями угнетенный;
Живые мертвецы, вы тягостные дни
Въ разгарѣ пиршества кончаете—одни!

В. С. ЛИХАЧОВЪ.

Голодъ.

(Старая исторія).

Онъ будилъ ее задолго до фабричнаго гудка.

Она знала, что ей незачѣмъ идти, но онъ настойчиво шепталъ:

— Иди.

И она торопливо одѣвалась и шла, вздрагивая отъ утренняго холода, къ воротамъ фабрики.

Тамъ уже стояла толпа. Она становилась въ очередь и вмѣстѣ съ другими ждала, когда сторожъ Герасимъ откроетъ ворота.

Въ толпѣ были счастливыя и несчастливыя. Когда открывались ворота, счастливыя проходили внутрь двора и, хлопая дверьми, скрывались въ мастерскихъ, а несчастливымъ Герасимъ грубо говорилъ:

— Нѣту еще. Ничего нѣту. Дайте дорогу.

Она уходила въ свой уголъ, и онъ шепталъ ей:

— Приходи завтра.

И на утро снова будилъ ее задолго до фабричнаго гудка. Она шла, вздрагивая отъ утренняго холода, къ воротамъ фабрики и была несчастливою.

* * *

Однажды онъ пришелъ къ ней въ сумерки, когда густой тягучій звонъ стлался надъ городомъ и сказалъ:

— Иди.

Она пошла и встала, прислонясь къ деревяннымъ перилам каменной лѣстницы, подъ черной крышей преддверій толстаго собора. Круглыя, гладкія колонны тяжело, неохотно поднимались отъ земли, вершинами скрываясь въ сумракѣ. Посреди площади мигалъ яркій фонарь, качался. Отъ колоннъ падали широкія тѣни и скользили по ступенямъ. Казалось, что эти колонны медленно раскачиваются и скоро упадутъ.

Ей стало жутко среди толпы шамкающихъ, беззубыхъ, ворчливыхъ старухъ.

— По-да-йте, ра-ди Хри-ста, благо-дѣ-тели... ра-ди...— вразъ запѣвали онѣ и наперебой протягивали руки съ привычно сложенной лодочкой ладонью къ самой груди выходящихъ молельщиковъ.

Ея пальцы не сгибались, ладонь выпукло выдавалась — съ нея скатилась бы положенная монета.

Она не умѣла пѣть, а просто сказала—«Подайте» и ушла.

— Ишь... нарядная!—прошипѣла ей вслѣдъ одна изъ старушенокъ.

* * *

Въ послѣдній разъ пришелъ онъ къ ней позднимъ вечеромъ.

Въ углу было особенно сыро и холодно. Въ темнотѣ отчетливо слышно было, какъ съ окна стекала вода—сначала медленными каплями, потомъ чаще, чаще и зажурчала тоненькой струйкой.

Хотѣлось ѣсть. Горячаго чая, хлѣба. На полу уже образовалась лужа. Въ люлькѣ заплакалъ хозяйскій ребенокъ.

Онъ опять сказалъ ей:

— Иди.

Она надѣла все, что было у ней самаго наряднаго, и пошла.

— Шумно!

Кричатъ, смѣются, ругаются. Ругаются просто, свободно

и опять смѣются. Но всѣ чѣмъ-то придавлены. Какъ будто идутъ подъ большимъ, широкимъ, низко разостланнымъ пологомъ и никакъ не могутъ изъ подъ него выйти.

— Сколько ихъ!

Раньше она ихъ не замѣчала, трудно отличала отъ публики. Теперь это были ея конкурентки. Онѣ рельефно выдѣлялись на фонѣ ярко освѣщенной, пустынной улицы. Казалось, исключительно для нихъ зажгли электрическіе фонари.

Магазины заперты. Покупщики лѣниво прохаживаются взадъ и впередъ, поминутно останавливаются, переругиваются, торгуются.

Она прошла въ конецъ улицы. Тамъ было темнѣе. На площади чернымъ широкимъ пятномъ въ ожиданіи поѣзда столпились извозчики, кричали. Кто-то рыдалъ, прислонившись къ стѣнѣ. Мужской голосъ дрожалъ изъ мрака:

— Кто тебя гналъ сюда. Лахудра... Плохо тебѣ у мужа...

И мѣрно что-то шлепалось по мягкому.

Она вернулась къ свѣту и встала у фонаря, около кофейной.

Туда и оттуда шли парочки.

Вотъ вышли двѣ, высокія, съ широкими шляпами, съ шуршащими, высоко поднятыми юбками. За ними поплелся маленькій господинъ въ большомъ котелкѣ.

— Чего привязался... шпындрикъ!.. ха-ха-ха!

Онѣ остановились. Маленькій господинъ съежился, поправилъ обѣими руками съѣхавшій на бокъ цилиндръ.

— Ну... восемь.

— Двадцать и... да убирайся къ чертямъ!

Онѣ опять захохотали и бѣгомъ перебѣжали черезъ улицу.

Не помнила, что она сказала ему.

Господинъ сдѣлалъ руку кренделемъ. Они пошли.

— Сволочь... вотъ сволочь,—смѣшно возмущался онъ.— На три рубля съѣли... Извозчикъ!

* * *

Больше онъ къ ней не приходилъ.

C. TRAMPER.

Онъ.

Когда я вышелъ изъ подъѣзда, онъ окинулъ меня взглядомъ, полнымъ собачьей покорности, и, хитро подмигнувъ, подумалъ:

— Допрыгаешься! Дай срокъ...

Я въ свою очередь тоже хитро подмигнулъ и, сказавъ громкимъ шопотомъ: «на-кось выкуси!», — сдѣлалъ въ карманѣ то, что хотѣлъ.

— Ладно, поговори! Увидимъ...

— А шутъ съ вами, да и со всѣмъ-то! Старо-съ, какъ міръ...

И я пошелъ своей дорогой. Онъ шелъ за мной подпрыгивающей походкой, каждую минуту готовый перейти въ рысь.

Мы ходили такъ до вечера. Мнѣ это надоѣло. Я обернулся и подошелъ къ нему вплотную.

— Ну чего ты ходишь? Вѣдь глупо...

— Извините, вы вѣроятно ошиблись,—пробормоталъ онъ, отступая передо мной.

— Вотъ! воскликнулъ я, горя негодованіемъ свободнаго гражданина свободной страны, — вотъ! Неугодно-ли?! Да я твою физіономію...

— Ахъ, не надо, я право же...

— Сколько получаешь?

— Тридцать...

— Іуда! За тридцать рублей ты продаешь...

Онъ не далъ мнѣ договорить...

— Позвольте-съ, милостивый государь, каждый имѣетъ свои сообразныя убѣжденія. Вы свои, — я свои!.. У меня жена, дѣти... У каждаго свои убѣжденія... сообразныя-съ, Да-съ!..

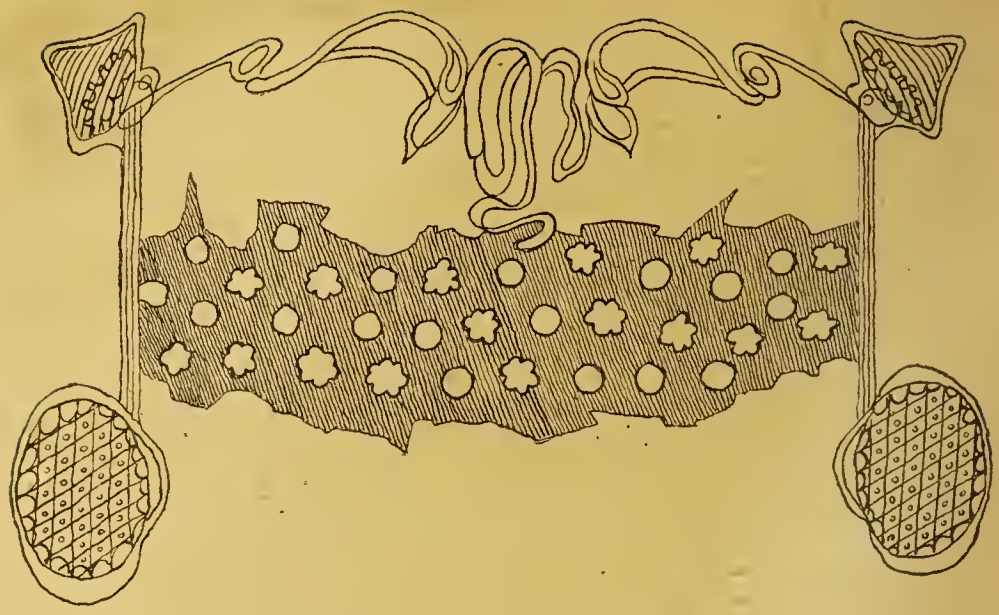
— Ты, убѣжденья!?!...

— Да-съ, жена, дѣти...

— О—о—о...

Мнѣ сдѣлалось дурно. Онъ скрылся...

Б. К.



Счастливый случай.

Почтовый поѣздъ подошелъ къ станціи, свиснулъ и остановился. Пассажиры бросились въ вокзалъ, побѣгали, посуетились и съ испуганнымъ видомъ, гремя чайниками и что-то доѣдая на ходу, снова попрятались въ вагоны. Пробилъ третій звонокъ, и поѣздъ тронулся. Кондуктора, стоя на площадкахъ, козыряли начальнику станціи.

Помѣщикъ Проскуринъ, дворянинъ и землевладѣлецъ, посмотрѣлъ поѣзду вслѣдъ, махнулъ рукой, сказалъ — «поѣхали!» — и медленно пошелъ по платформѣ къ буфету. Проходя мимо начальника станціи, онъ вдругъ сдѣлалъ удивленное лицо и воскликнулъ:

— А! Николай Семеновичъ, вы дежурите?

На что Николай Семеновичъ съ не менѣе удивленнымъ видомъ отвѣтилъ:

— Я, я! А вы какими судьбами?

— Да такъ... къ поѣзду...

Потомъ, обмѣнявшись еще кое-какими вопросами, они уже вмѣстѣ отправились въ буфетъ.

Каждый день въ теченіе почти девяти лѣтъ Николай Семеновичъ и Проскуринъ встрѣчались на платформѣ при проходѣ почтоваго поѣзда. Каждый день удивлялись почему-то этой встрѣчѣ и неизбѣжно отправлялись въ буфетъ пить водку, закусывать оставшимися пирожками и разсказывать много разъ уже слышанные обоими анекдоты.

Въ разговоръ иногда вмѣшивался буфетчикъ, Абрамъ Ивановичъ, толстый татаринъ, выбившійся изъ лакеевъ, и тогда разговоръ принималъ политическую окраску, такъ какъ буфетчикъ очень любилъ политику и даже выписывалъ изъ губерніи «Вѣдомости», которыя читалъ и комментировалъ съ большимъ жаромъ. Проскуринъ и Николай Семеновичъ обыкновенно очень внимательно выслушивали его разсужденія, но когда онъ очень сильно вдавался въ либерализмъ, говорили:

— Смотри, Абрамъ Ивановичъ, допрыгаешься! Вѣдь за этакія штуки по головкѣ не гладятъ.

— Ну вотъ,—отвѣчалъ Абрамъ Ивановичъ,—я патріотъ и о своемъ отечествѣ забочусь. Я вѣрно говорю, это развѣ порядки: всюду бунты, крамола, коммерческимъ людямъ убытки!

— Какъ ты, братъ, о начальствѣ-то свободно говоришь! Ну, услышитъ кто... А?

Если случалось присутствовать при такихъ разговорахъ жандарму, унтеръ-офицеру Утыркину, который тоже принадлежалъ къ избранному станціонному обществу, то онъ значительно добавлялъ:

— Кабы я тебя, Абрамъ Ивановичъ, не зналъ, то долгъ мой тебя заточить...

Вообще-же разговоры большею частью вертѣлись около очень скудныхъ мѣстныхъ новостей и происшествій, да и собесѣдники очень быстро приходили въ нетрезвое состояніе и не могли продолжать разговоръ о чемъ бы то ни было. Всѣ они какъ-то примирились со своей судьбой. Николай Семеновичъ такъ и считалъ себя обреченнымъ окончить свои дни начальникомъ станціи; Проскуринъ не могъ себѣ представить иного существованія, кромѣ холода и тоски въ прогнившемъ насквозь «барскомъ» домѣ, вѣчной ругани съ мужиками изъ-за аренды и ежедневныхъ попоекъ на станціи. Буфетчикъ, Иванъ Абрамовичъ, былъ весь увлеченъ несложными коммерческими операціями по скупкѣ яицъ и цыплятъ въ окрестныхъ деревняхъ и только, пожалуй, одинъ Утыркинъ мечталъ иногда о переводѣ въ «губернію» или на большую станцію «старшимъ». Въ общемъ, всѣмъ четыремъ было такъ же мало дѣла до всего остального міра, какъ и всему міру до нихъ.

— А какъ вы думаете, Николай Семеновичъ, пришла Абраму Ивановичу англійская горькая?—началъ было Проскуринъ, входя подъ ручку съ начальникомъ станціи въ буфетъ, но не договорилъ и остановился. Причиной этому было необыкновенное волненіе, въ которомъ находились Утыркинъ и буфетчикъ. Они о чемъ-то громко говорили и размахивали руками.

— Что такое?—удивленно обратился Николай Семеновичъ къ Проскурину, пораженный невиданнымъ зрѣлищемъ.

— Господа, что случилось?

Жандармъ обернулся, увидѣлъ ихъ и трагическимъ голосомъ проговорилъ:

— Бумага... секретнѣйшая... мнѣ...

— Ну? — спросилъ перепуганный на смерть Николай Семеновичъ и Проскуринъ.

— На счетъ крамолы... истребить немедленно...

— Ф-фу ты, Боже мой!

Воцарилось гробовое молчаніе. Первый опомнился буфетчикъ. Онъ поднялъ указательный палецъ вверхъ и назидательно проговорилъ, медленно обводя глазами присутствующихъ:

— Въ ней сказано: «при помощи и содѣйствіи мѣстныхъ властей и благонамѣренныхъ обывателей, предписывается вамъ (это ему: Утыркину!) немедленно и непопустительно произвести умиротвореніе участка и изъять изъ онаго крамолу. Съ корнемъ!» Вѣрно я разсказывалъ?

— Вѣрно! Вотъ, господа, исторія какая! А? Изыми-ко ее,—крамолу-то!

— Тяжко, согласился Николай Семеновичъ; Проскуринъ находился въ недоумѣніи.

— Для пользы родины! Очень теперь большая опасность отъ крамолы пошла! Всѣ должны, кто въ Бога вѣруетъ! торжественно провозгласилъ буфетчикъ и прибавилъ:—съ корнемъ, то есть, чтобы безъ всякаго остатку!

Черезъ полчаса вся компанія, уже успѣвъ оправиться и выпить, съ увлеченіемъ обсуждала вопросъ объ изъятіи «съ корнемъ» крамолы. Николай Семеновичъ и въ особенности Проскуринъ вдругъ почувствовали, что воскресаютъ и молодѣютъ. Они такъ осатанѣли за многіе годы пьянства и такъ имъ опротивѣли ихъ изо-дня въ день одни и

тѣ же маленькія дѣла и дѣлишки, что они съ восторгомъ ухватились за это «дѣло», совершенно не разбираясь въ его сущности. Просто это было что-то новое и нужно было за него ухватиться.

— Такъ прямо съ учительницы и начинать!—горячился Проскуринъ.—Сейчасъ къ ней: какъ зовутъ? гдѣ отецъ и мать? вѣроисповѣданіе...

— Да какое у ней можетъ быть вѣроисповѣданіе?! Вы въ своемъ умѣ?—набросился на него Николай Семеновичъ.—Читаетъ, читаетъ цѣлые дни, чертъ знаетъ что!—какія-то анатоміи, а потомъ Богъ! исповѣданіе! Опомнитесь!

— Я только къ слову,—оправдывался Проскуринъ.

— Къ слову?! Слова-то, батюшка, разныя бываютъ!

— Да,—мечтательно присовокупилъ Утыркинъ,—за иное-то слово за хвостъ да палкой...

Планъ атаки былъ выработанъ довольно быстро. Правда, сначала дѣло не шло дальше учительницы, но потомъ буфетчикъ сообщилъ, что аптекарь Герцъ несомнѣнно еврей и видъ у него очень подозрительный, затѣмъ Утыркинъ припомнилъ кое-что про спившагося псаломщика Спасова, а тамъ дѣло и совсѣмъ наладилось.

По случаю необыкновеннаго событія пили много. Во время выпивки Утыркинъ неоднократно упоминалъ объ обѣщанномъ въ бумагѣ поощреніи благонамѣреннымъ обывателямъ.

Проскуринъ все чему-то радовался и лѣзъ цѣловаться.

— Коля,—обнимая начальника станціи, бормоталъ онъ,—Коля, вѣдь это, можно сказать, происшествіе! А? Вѣдь происшествіе?

— Н-да,—соглашался тотъ.

— Коля! подлецъ ты! Вѣдь девять лѣтъ мы тутъ съ тобой сидимъ и въ первый разъ, можно сказать, такое происшествіе: дѣло! А?

— И—и—и совершенно безнаказанно... я ручаюсь,—громко икая и вытирая слюни всей пятерней, говорилъ Утыркинъ, глядя оловянными глазами.

Буфетчикъ пилъ мало и все старался доказать, что именно благонадежные обыватели только и могутъ спасти родину и что начальство на этотъ разъ поступило разумно.

— Вѣдь ты пойми, голова ты съ ушами, что и я, и бу-

лочникъ Петръ Ивановъ, и мелочникъ—всѣ мы, всѣ пойдемъ и измозжимъ,—то есть, вотъ! Вѣдь это нашъ интересъ! А то забастовка, бунты...

Но его никто не слушалъ.

Часу во второмъ ночи начали расходиться.

Проскуринъ былъ на высотѣ блаженства.

— Коля,—воскликнулъ онъ,—происшествіе-то! А!

— Н-да, это, братъ, исторія,—отвѣтилъ Николай Семеновичъ и вдругъ затянулъ хриплымъ басомъ:

Мно-о-огая, мно-о-огая лѣта!

— Урраа!—завопилъ Утыркинъ и, загремѣвъ саблей и сапогами по лѣстницѣ, исчезъ въ темнотѣ.

— Жандармъ, гдѣ ты?—спросилъ буфетчикъ.

Отвѣта не послѣдовало.

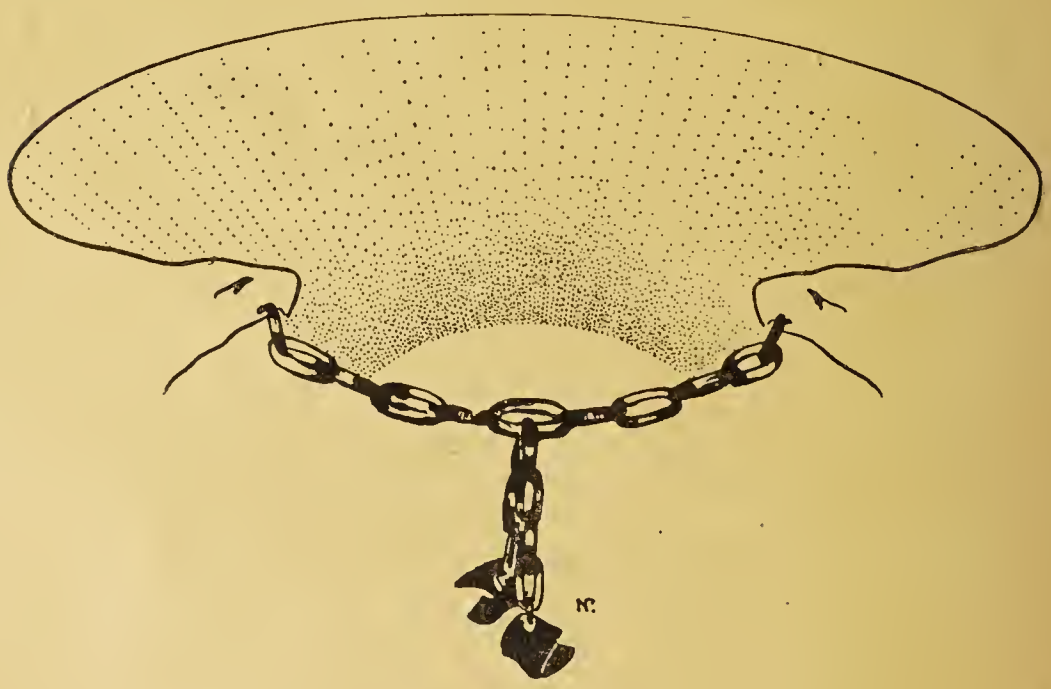
— Ну-съ, до завтрева! Съ побѣдой!—распрощался онъ съ Проскуринымъ и Николаемъ Семеновичемъ.

Тѣ, стоя другъ противъ друга, продолжали выводить:

Мно-о-огая, мно-о-огая лѣта!

Сбились, замолчали и, поддерживая взаимно одинъ другого, побрели домой.

С. Г—ВЪ.



Наоборотъ.

Много лѣтъ въ потемкахъ бродитъ
Православный нашъ народъ,
И въ Россіи происходитъ
Какъ-то все—наоборотъ:
Подъ приказнымъ игомъ жили
Мы не малые года;
Но спокойно выходили
Мы на улицу тогда.
Хоть квартальный надзиратель
И внушалъ порою страхъ,
Но увѣренъ обыватель
Все-же былъ въ своихъ правахъ;
А когда намъ объявили
Всѣ четыреста свободъ,—
Насъ тотчасъ-же обложили
Тучи цѣлыя невзгодъ:
Генераломъ-адъютантомъ
Былъ смѣненъ квартальный чинъ,—
И безправнымъ арестантомъ
Сталъ свободный гражданинъ.
Правда спуталася съ ложью,
Съ разрѣшеніемъ—запретъ,
И всего охватитъ дрожью,
Чуть покажешься на свѣтъ...
Такъ во всемъ противорѣчій
И курьезовъ цѣлый рядъ:
Тамъ надѣлаетъ увѣчій
Охранительный отрядъ.
Просьба честью—завершится
Поркой цѣлаго села;
Гдѣ урядникъ водворится—
Неурядица пошла...
Рокъ-ли злой къ тому приводитъ,
Иль ужъ созданъ такъ народъ,—
Но всегда у насъ выходитъ
Все—какъ-разъ наоборотъ...

ЮР. П.

Месть!

Это случилось въ началѣ одного лѣта. Былъ вечеръ. Гансенъ, съ своимъ семействомъ сидѣлъ у себя въ палисадникѣ и отдыхалъ. Онъ только что вернулся съ своего клочка земли, арендуемаго обществомъ у барона, и теперь, окруженный своей бѣлоголовой арміей, покуривалъ трубочку и тихимъ плавнымъ голосомъ, по обыкновенію, разсказывалъ какую то сказку. Вдругъ послышался конскій топотъ... Все ближе... ближе... Еще секунда и передъ калиткой палисадника остановился изящный англійскій кабріолетъ. Кучера не было; правилъ самъ сѣдокъ. Это былъ толстый человѣкъ, въ крылаткѣ, съ сигарой въ зубахъ и съ сдвинутой на затылокъ кэппи. Въ немъ Гансенъ узналъ бароча фонъ Штейна, ихъ «владѣтельнаго принца». Нѣсколько секундъ баронъ тусклыми, стеклянными глазами разсматривалъ группу въ палисадникѣ. Но вотъ онъ вытащилъ изо рта сигару и проговорилъ:

— Учитель?

— Да, я самый! — отозвался Гансенъ, не двигаясь съ мѣста. Онъ въ свою очередь спокойно разглядывалъ барона, а правая рука его тихо скользила по одной изъ бѣлокурыхъ головокъ. Армія, широко-раскрытыми, наивными глазами тоже созерцала чужого.

— Великолѣпно!—возвысилъ голосъ баронъ — Мнѣ нуженъ учитель. У меня десятилѣтній сынъ. Заниматься съ нимъ разными предметами. Три рубля въ часъ. Плата хо-

рошая, больше здѣсь нигдѣ не получите. За вами будутъ пріѣзжать. Ну?

Наступило молчанье. Было тихо и только въ кустарникахъ неугомонно возились воробьи, да баронская лошадь нетерпѣливо похрапывала и ударяла ногой о землю.

Въ глазахъ Гансена вспыхнуло что то, но сейчасъ же погасло.

— Не знаю, выйдетъ-ли у насъ что-нибудь, — заговорилъ, наконецъ, Гансенъ.

— Отчего же нѣтъ?

— Вѣдь вы меня контролировать станете?

— Ну?..

— Ну, а хитрить я съ учениками не умѣю, — продолжалъ Гансенъ, — поэтому и въ вашего сына я постараюсь вложить и свои мысли и свои чувства.

— Отчего же!.. Пожалуйста!..

— Нѣтъ, мои мысли вамъ не понравятся, я заранѣе знаю, поэтому я и отказываюсь отъ предложенія.

— Какъ, вы отказываетесь?

— Да, отказываюсь.

— А вы знаете, кто я?

— Да, знаю, вы баронъ фонъ Штейнъ.

— Да, я баронъ фонъ Штейнъ. Славно! Ха!.. Это мнѣ нравится!.. Дѣло ваше! Славно! — И баронъ вдругъ какъ то разомъ взмахнулъ головой, задымилъ сигарой и ударилъ вожжами по лошади. Секунда — и изящный кабріолетъ исчезъ за поворотомъ дороги,

Конечно, не прошло и получаса, какъ о происшествіи знало уже все селенье, всѣ до послѣдняго мальчугана: «Учитель Гансенъ прогналъ барона фонъ Штейна». Сенсація была колоссальная.

— Нѣтъ, нашего не купишь!.. — хохотали поселяне — Обжогся, ну и ладно!.. Проѣзжай мимо... Петеръ Гансенъ нашъ и никому онъ себя не запродастъ... Да что и говорить... а особенно этой скотинѣ; мало онъ что ли нашей крови попилъ?! Вотъ чучело то! Ха... ха... ха... — Однимъ словомъ это было цѣлое торжество. Учитель Гансенъ сдѣлался имъ еще ближе, еще дороже.

* * *

Прошло два года, два тяжелыхъ, кровавыхъ года, и вотъ наконецъ наступила великая всероссійская забастовка. Казалось, что-то лопнуло въ воздухѣ и, словно откуда-то вырвавшись, событія вдругъ понеслись надъ Россіей, понеслись вихремъ, храпя, брызгая кровью, топча и перегоняя другъ друга. Земля дрожала отъ этого бѣшеннаго бѣга, сознаніе мутилось и сердце вотъ-вотъ должно было разорваться подъ напоромъ гигантскихъ переживаній... Духъ захватывало! Да, это были дни.

Нечего и говорить, что почтенные Марьендорфцы приняли участіе во всемъ, во всемъ... Оно и здѣсь было какой-то сказкой. Все въ туманѣ, все перевернулось вверхъ дномъ... Была и демонстрація. Ровно въ 12 часовъ на единственной улицѣ Марьендорфа появилась процессія. Сначала небольшая, она въ какія-нибудь нѣсколько минутъ выросла до огромныхъ размѣровъ. Шестъ съ краснымъ лоскутомъ матеріи и торжественныя ликующія лица... Былъ и митингъ. Онъ состоялся передъ школой на открытомъ воздухѣ подъ предсѣдательствомъ Гансена. И здѣсь-то Марьендорфцы впервые увидѣли себя такими, какими они были на самомъ дѣлѣ. Они выбрались изъ-подъ спуда. Ораторы?.. Они у нихъ были. Остроуміе?.. и оно у нихъ оказалось. Горячее чувство?.. О, и оно на нихъ лилось съ импровизированной трибуны, зажигая ихъ сердца священнымъ пламенемъ. Все это было невѣроятнымъ и въ то же время роднымъ. Удивительно! Говорили и братья Симоны, Зоммеръ, Гайлитъ, Лидисъ, говорила даже женщина Марія Трейманъ и всѣ такъ хорошо и такъ плавно. Только одинъ г. Пикманъ, почетный президентъ Марьендорфской вольнопожарной дружины, толстенькій, кругленькій старичекъ, ничего не могъ сказать, кромѣ двухъ словъ:—«Поздравляю, голубчики!»— и эти два слова г-нъ Пикманъ повторялъ чуть ли не двѣ минуты, причемъ слезы умиленья горячими струями сбѣгали по его пухлымъ щекамъ.

— Спасибо, дядя Пикманъ, спасибо!—отвѣчала толпа— и тебя также. И всѣ, конечно, были растроганы. Говорилъ и учитель Гансенъ. Онъ сказалъ свое слово въ заключеніе и это слово, проникнутое какимъ-то религіознымъ восторгомъ, потрясло Марьендорфцевъ. Онъ говорилъ о свободѣ, о томъ чудномъ ребенкѣ, который теперь у нихъ на ру-

кахъ. О, онъ выростетъ, этотъ ребенокъ, и сдѣлается могучимъ и сильнымъ и тогда на землѣ воцарится счастье... О, тогда не будетъ ни господъ, ни рабовъ, тогда всѣ будутъ людьми и всѣ будутъ имѣть право на жизнь. Тогда не будетъ ни униженья, ни заносчивости, ни смрадной нищеты, ни подхалимства изъ-за куска насущнаго хлѣба, тогда всѣ будутъ братьями.

Да, все это въ самомъ дѣлѣ было сномъ для Марьендорфцевъ. Но вотъ прошло нѣсколько дней и растаяли миражи. На горизонтѣ опять появились тяжелыя всклокоченныя тучи. Онѣ были еще мрачнѣе, еще гуще прежнихъ. И опять повѣяло холодомъ смерти.

* * *

Была ночь. Надъ Марьендорфомъ металась снѣжная буря, она металась какъ потерянная, то припадая къ землѣ, то взвиваясь къ черному мглистому небу. Тучи холодныхъ, колючихъ призраковъ безумно носились по воздуху. Они сталкивались, обнимались другъ съ другомъ, потомъ снова разлетались и вертѣлись, вертѣлись... И въ этой разнузданной пляскѣ чудилось что-то отвратительное. Это была слѣпота безумія...

* * *

Петеръ Гансенъ, уложивъ бѣлоголовую армію спать, вышелъ на цыпочкахъ изъ спальни. Прикрывъ за собою дверь, онъ усѣлся за письменный столъ, одѣлъ очки и принялся просматривать только что полученныя газеты. И съ каждой прочитанной строчкой лицо его сѣрѣло все больше и больше. «Кровь, кровь и кровь!..» Экзекуціонный отрядъ не терялъ даромъ времени. «Скоро и къ намъ придутъ». Онъ это зналъ. Чтожъ... пусть... Многіе бѣжали... предлагали и ему... но онъ остался. Куда убѣжишь съ шестерыми? А безъ нихъ не хотѣлось... Все равно... Итакъ, все погибло! И Гансенъ сжалъ обѣими руками голову и въ его измученномъ сознаніи съ лихорадочной быстротой заколотились воспоминанья недавняго прошлаго.

— Шквалъ...—думалъ Гансенъ.—Да, это былъ онъ. Онъ налетѣлъ и все побѣжало на его пути и онъ, Гансенъ, былъ среди нихъ, не могъ не быть.

* * *

Въ дверь громко постучались. Вотъ еще и еще. Это были глухіе отрывистые звуки, нетерпѣливые, властные. Гансенъ очнулся. «Кто бы это могъ быть?» Часы показывали безъ пяти двѣнадцать. Онъ пошелъ отворять.

— Да отворяй же, чортъ, скорѣй отворяй!—слышались голоса.

— Ломай, братцы, дверь, что на нее смотрѣть. Топоръ есть?..

— Сзаду... зайди сзаду, чтобы не убегъ... Поставили караулъ?

— Такъ точно.—Дверь трещала и ухала подъ ударами чего то тяжелаго. Гансенъ съ лампочкой въ рукахъ стоялъ посреди передней и глядѣлъ на дверь. Онъ все понялъ.

— Ахъ, Боже мой, да что же это я!—пронеслось вдругъ въ головѣ учителя—Да вѣдь они дѣтей перебудятъ.—И Гансенъ быстро отдернулъ засовъ. Черезъ минугу онъ уже былъ на улицѣ и безъ шапки, въ одномъ пиджакѣ, со связанными назадъ руками, задумчиво шагалъ, понуря голову.

Мятель попрежнему бушевала и ночь черная, безнадежная, казалось, все ниже и ниже опускалась къ землѣ, прислушиваясь къ завываніямъ вѣтра.

А вотъ онъ въ волостномъ правленіи. За столомъ сидитъ кто-то въ формѣ, а рядомъ съ нимъ баронъ фонъ Штейнъ.

— Это тотъ самый? — спрашиваетъ кто-то, указывая на Гансена глазами, лишь только его вводятъ конвойные.

— Тотъ самый!—киваетъ баронъ, и Гансена подводятъ къ столу.

— Невѣжа! — кричитъ баронъ — Или ты кланяться не умѣешь?!

— Толкните его въ затылокъ.

Гансена толкаютъ въ затылокъ.

— Ну какъ поживаемъ?—смѣется баронъ— А? Теперь бы ты должно быть согласился быть у меня домашнимъ наставникомъ? А?

— Ты, гадина!—отчетливо выговариваетъ Гансенъ, спокойно глядя на барона своими близорукими глазами.

Гансена валятъ на колѣни, держатъ ему руки и бьютъ его, бьютъ... Его бьютъ чѣмъ попало: кулаками, сапогами,

прикладами... Оживленнѣе всѣхъ бьетъ баронъ. Онъ бьетъ наотмашь по лицу правой и лѣвой рукой. Онъ задыхается отъ ярости, устаетъ, садится, потомъ опять вскакиваетъ и опять принимается бить. И его толстая упитанная фигура на тоненькихъ ногахъ такъ и мелькаетъ среди шинелей. Истязаютъ Гансена долго, мучительно долго... Но вотъ, наконецъ, изуродованнаго, окровавленнаго, въ полу-безсознательномъ состояніи его выволакиваютъ на улицу. Проходитъ еще немного времени и надъ Марьендорфомъ вмѣстѣ съ порывомъ вѣтра проносится сухой отрывистый трескъ. Ночь вздрагиваетъ и еще ближе подступаетъ къ окнамъ Марьендорфскихъ домиковъ, какъ бы пытаясь разсказать какую то страшную сказку.

Б. РОЗОВЪ.

Думы журналиста.

Свою статью довольно странной
Въ журналѣ снова вижу я.
И вотъ тревогою нежданной
«Душа наполнились моя».

Давно-ли радостной весною
Писалъ я—прямъ, свободенъ, смѣлъ?
Въ борьбѣ за дѣло дорогое
Нашъ зовъ увѣренно звенѣлъ.

Весна зимой смѣнилась хмурой—
Зимой, царящей до весны.
Опять воскресшею цензурой
Мои статьи изъязвлены.

И я строчу въ незнаньѣ странномъ,
Что ждетъ тѣ строчки на пути,—
У прокурора, иль въ охранномъ,
Иль мнѣ въ печати ихъ найти?

И самому мнѣ къ прокурору
За нихъ назначено-ль попасть?
Иль мой журналъ объ эту пору
Пріостановитъ чья-то власть?

И мой редакторъ—при журналѣ,
Иль въ Предварительномъ давно?
Иль, можетъ быть, насъ всѣхъ угнали,
Куда насъ гнать заведено?

СТАРЫЙ ВОРОНЪ.

Рѣчь.

— Ну, Иванъ Трофимычъ, полѣзайте, голубчикъ! Ждутъ!

— Страшно-съ, ваше высокородіе, то есть, вотъ до чего!

— Да чего-же вы, мамочка, боитесь? Еще купецъ первой гильдіи!

— Умру-съ, какъ передъ истиннымъ Богомъ! Жуть-съ!

— Ну, полѣзайте, полѣзайте, чего тамъ.

— А съ чего-же прикажете начать?

— Начинайте съ экономическаго положенія, потомъ по политикѣ хватите...

— Такъ-такъ! А дальше-съ?

— Ну; а потомъ ужъ и скажите, что надо крамолу уничтожать...

— Чудесно-съ! Ну, Господи благослови,—лѣзу!

Предсѣдатель усѣлся за столъ, поставленный на эстрадѣ, а Иванъ Трофимычъ съ величайшимъ трудомъ втащилъ свое семипудовое тѣло на кафедру. Оттуда онъ увидѣлъ море головъ, громадную толпу, собравшуюся въ манежъ на митингъ. Какъ только онъ почувствовалъ, что на его освѣщенное двумя свѣчками лицо устремились тысячи глазъ, послѣдніе признаки смѣлости его покинули. Онъ долго утиралъ краснымъ платкомъ лицо, руки и рѣшительно не могъ себѣ представить, съ чего-бы начать.

— Начинайте-же,—прошепталъ предсѣдатель и позвонилъ въ колокольчикъ. Все стихло.

Иванъ Трофимычъ съ безпомощнымъ видомъ обернулся къ предсѣдателю и громко сказалъ:

— Чичасъ!

— Ну и начинайте!

Въ публикѣ кто-то фыркнулъ.

Иванъ Трофимычъ собрался съ духомъ, широко размахнулъ рукой, ударилъ себя въ грудь и началъ:

— Православные христіане! Теперь, которые говорятъ, что намъ ничего этаго не нужно, тѣ кромольники!

— Такъ-такъ! подбодрилъ его членъ учредитель, скопческаго вида старецъ.

— Опять скажу, какъ по Евангелью: «нѣсть бо власти, аще не отъ Бога!»

— Прекрасно, сказалъ старецъ и закатилъ съ молитвеннымъ видомъ глаза, нѣсть, нѣсть! Прекрасно!

Иванъ Трофимычъ совсѣмъ оправился.

— Возмемъ, гремѣлъ онъ, какую хошь власть—все отъ Бога! Опять какъ я купецъ первой гильдіи и имѣю торговлю рыбой, то я очень хорошо знаю, какая должна быть власть! Никогда я ничего окромя уваженія отъ власти не видалъ. Хоть самъ господинъ приставъ, хоть тебѣ околодочный, либо городовой—всегда почетъ и уваженіе! Почему? А потому, какъ я купецъ...

— Тэ-тэ-тэ! куда вы, батенька,—бросился къ нему предсѣдатель,—вы это оставьте! Вонъ куда хватилъ! Говорите объ экономическомъ положеніи...

Иванъ Трофимычъ на минутку замялся, но быстро оправился.

— Такъ-то, православные, всякая власть вполнѣ хороша, ежели съ ней съ умомъ обращаться, а полѣзешь дураломомъ съ кулаками или съ пистолетомъ какимъ, то и очень быстро попадешь въ кутузку. Вотъ точно такъ-же крамольники! Они говорятъ будто у насъ теперь чрезвычайное эк... эк...

— Экономическое, подсказалъ кто-то съ эстрады.

— Экономическое положеніе. Это они вполнѣ врутъ и никакого у насъ положенія ни экономическаго, ни тебѣ раз-экономическаго нѣтъ и не будетъ, а есть одно разореніе. А почему? Первое дѣло я полагаю,—Иванъ Трофимычъ вопрошающе посмотрѣлъ на сидящихъ за столомъ и загнулъ одинъ палецъ,—первое дѣло—война.

— Путаетъ, сказалъ предсѣдатель, съ болѣзненной

улыбкой.—Бунты Иванъ Трофимычъ, бунты, да и разоренія никакого нѣтъ, тысячу разъ я вамъ говорилъ!

— Война! Но это еще было-бы ничего—шутъ съ нимъ, а вотъ бунты—это скверно! Коли ты дѣйствительно обобранъ вродѣ липки и съ голоду тебя пучитъ,—то долженъ ты сидѣть и молчать, а бунтовать тутъ нечего! А почему?

Тутъ Иванъ Трофимычъ на минутку остановился.

— А почему? повторилъ онъ и, ударивъ себя въ грудь кулакомъ, продолжалъ.

— А потому что мужикъ или какой другой человѣкъ безъ капиталу—никакихъ правовъ вообще не имѣетъ и такъ ужъ у насъ заведено съ кихъ поръ, имѣть не можетъ! Другое дѣло ежели ты съ капиталомъ или въ большихъ чинахъ, тогда тебѣ всюду дорога! Вѣрно я говорю, православные?

— Вѣрно! Вѣрно! Чего тамъ...

— Чего вѣрнѣй! отвѣтили изъ публики.

— Да онъ съ ума сошелъ! подскочили предсѣдатель и члены учредители. Иванъ Трофимычъ! что вы, батюшка? Скорѣй на счетъ крамолы, да и кончайте!

— Сію-съ минуту! отвѣчалъ въ увлеченіи Иванъ Трофимычъ.

— Такимъ родомъ, господа православные христьяне, какъ начали послѣ этихъ бунтовъ всѣхъ бить куда ни попадя, не разбирая ни полу, ни возрасту, то всякій, кто имѣетъ въ себѣ страхъ Божій, долженъ былъ понять, вполнѣ хорошо, что всѣ эти свободы совсѣмъ не въ пользу.

— Да не то, не то! Иванъ Трофимычъ! нужны онѣ, да ихъ не такъ поняли!

— Ага, понимаю-съ! То есть вотъ что, православные, какъ эти свободы были даны, то всѣ и обрадовались. Тяпъ-ляпъ, дѣла то и не поняли: думали такъ, а вышло вовсе наоборотку: въ шею!

— Фу,—охнулъ предсѣдатель,—надо его прекратить! Кончайте!

— И какъ навалили всѣмъ въ шею по первое число, то и надо быть круглымъ дуракомъ и болваномъ, чтобы соваться съ голыми руками...

— Это невозможно! Молчите!

— А они лѣзутъ на рожонъ и шабашъ! И выходятъ

они, кромольники, сущими дураками и одно отъ нихъ безпокойство, а дураковъ, братцы, учить надо! Вотъ! Постоимте, православные, за церковь Христову!

— А-а-а, выправляется!—облегченно вздохнули за предсѣдательскимъ столомъ.

— Можете вы себѣ представить разгромленіе Москвы первопрестольной по случаю бунта! Съ самаго нашествія двунадесяти языковъ, при Императорѣ Александрѣ Благословенномъ, такого разгрому не было! Прямо изъ пушки въ колокольню ахнули! Посрамленіе святынь! И должны мы живота своего не жалѣть. Потому, что такое животъ, когда церковь святая въ посрамленіи?—сущіе пустяки! Вотъ вамъ теперь господинъ предсѣдатель, его превосходительство, дѣйствительный статскій совѣтникъ Брянчиковъ, все разскажетъ, а я кончилъ. Ура! Кричи—ура! православные. Митька,—обратился Иванъ Трофимычъ къ своему подручному,—Митька, ты что же, мошенникъ, не кричишь? У-у, антихристъ!..

— Я, Иванъ Трофимычъ, кричу. Ураа!

— То-то, братъ! Уфъ, вотъ до чего упатычился—смерть!

Не успѣлъ, однако, Иванъ Трофимычъ сойти съ кафедры, какъ на него набросились члены учредители союза.

— Вы, чертъ васъ дери, съ ума сошли или дуракъ отъ рожденія,—размахивая передъ носомъ Ивана Трофимыча руками, кричалъ предсѣдатель.

— Я ваше-ство, все по порядку, по уговору,..

— Какого дьявола, по уговору! Разореніе! Гдѣ разореніе?

— Такъ а что-же! Окромя разоренія ничего не вижу.

— Васъ никто не спрашиваетъ, что вы видите! Вамъ русскимъ языкомъ говорили: нужно успокоить...

— Ваше-ство, да я вѣдь и сказалъ: ничего, говорю, окромя какъ по шеѣ не будетъ...

Предсѣдатель задохся отъ злобы.

— У-у, образина идіотская, — шипѣлъ онъ, судорожно приближая кулакъ къ лицу растерявшагося Ивана Трофимыча.

— Оказія,—разводилъ тотъ руками, — ясно вѣдь говорилъ, что и уничтожить приказано, и что свободы намъ никакой не надо. Что такое?

— Дубина! Мужикъ!

— Вы эти слова оставьте,—неожиданно обидѣлся Иванъ Трофимычъ на господъ учредителей,—я по совѣсти говорилъ, а ругаться...

— Проваливай, проваливай...

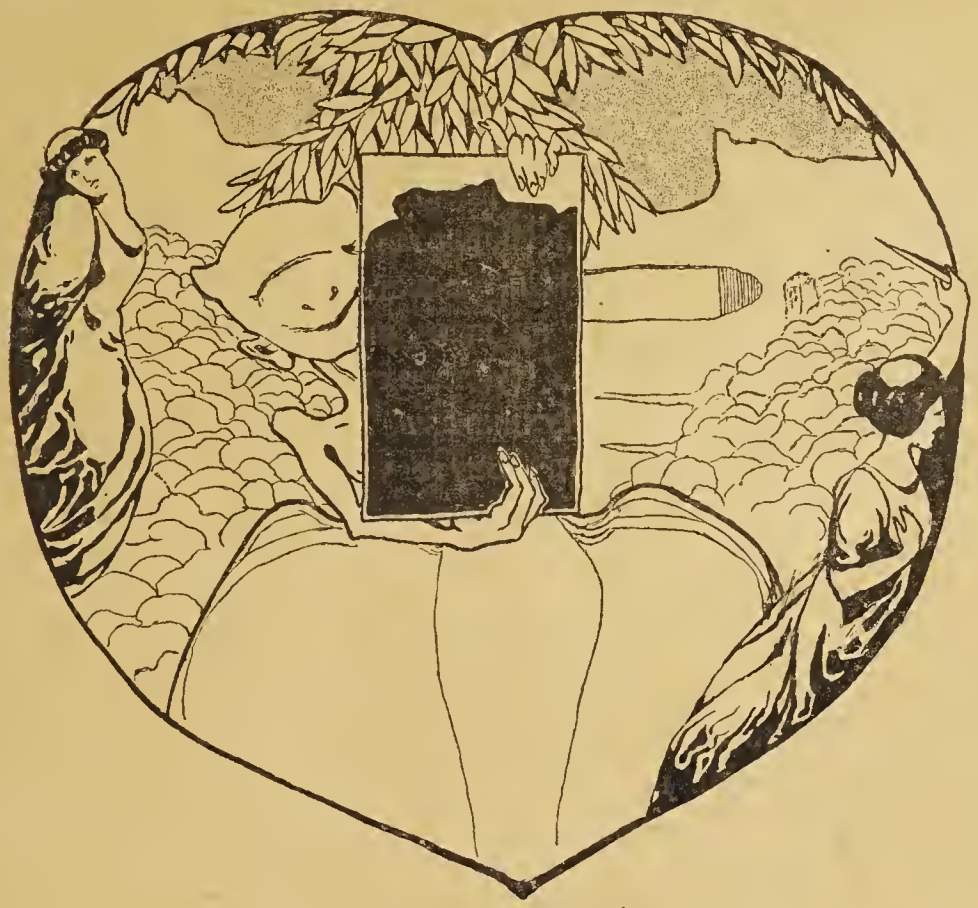
— Да и уйду!

— Да и уходи!

— А и шутъ съ вами!

Иванъ Трофимычъ, разстроенный и недоумѣвающій, одѣлся и ушелъ домой, а предсѣдатель долго выпутывался изъ затруднительнаго положенія.

Б. Г—ВЪ.



Прощаніе.

Въ этомъ очеркѣ правдивомъ
Я намѣренъ разсказать,
Какъ прощался Фридрихъ Купферъ,
Молодой штеттинскій нѣмецъ,
Съ огорченною супругой,
Передъ тѣмъ какъ совершить
Путешествіе въ Россію.

—

Уѣзжая изъ Штеттина
По дѣламъ торговой фирмы,
Прусскій нѣмецъ Фридрихъ Купферъ
Говорилъ своей супругѣ,
Добродѣтельной Шарлоттѣ:
«Другъ безцѣнный, радость сердца!..
«Ѣду я въ страну жандармовъ,
«Губернаторовъ Курловыхъ,
«Адмираловъ Чухниныхъ.
«Ѣду я туда, гдѣ Витте
«Конституцію проводитъ
«И гдѣ графу въ этомъ дѣлѣ
«Помогаетъ Дурново.
«Другъ безцѣнный, радость сердца!
«Ѣду я въ тотъ край пустынный,
«Гдѣ медвѣдей и казаковъ
«Можно встрѣтить въ городахъ.
«Обними меня, Шарлотта,
«Горько плачьте, Фрицъ и Карльхенъ!»
Заливаяся слезами,
Кротко мужа умоляла
Златокудрая Шарлотта:
«Радость сердца, добрый Фридрихъ,
«Отложи свою поѣздку

«Въ незнакомую страну!
«Кто жену твою поддержитъ,
«Кто дѣтей твоихъ прокормитъ,
«Если Минъ тебя пристрѣлитъ,
«Если Грингмутъ очернитъ?
Но потѣя отъ натуги,
Отвѣчалъ ей честный нѣмецъ:
«Дорогъ мнѣ и Фрицъ и Карльхенъ,
«Ты дороже ихъ обоихъ,
«Но дѣла торговой фирмы
«Для меня важнѣй всего!
—«Если такъ»,—сказала кротко
Огорченная Шарлотта,
«Если такъ, то ты, конечно,
«Дашь себя застраховать?
— «Былъ я въ обществѣ «Колумбусъ»
Отвѣчалъ ей Фридрихъ Купферъ,
«Былъ я въ обществѣ «Колумбусъ»
«Все подробно объяснилъ.
«Надо мною посмѣялись
«И сказали: Тѣхъ, кто ѣдетъ
«По дѣламъ торговой фирмы
«На луну или въ Россію,
«Мы отъ смерти и увѣчья
«Не беремся страховать!
«Что подѣлать? Надо ѣхать!
Помолчавъ, прибавилъ Фридрихъ.
«Обними меня Шарлотта!
«Фрицъ и Карльхенъ, не ревѣть!
«Изъ страны медвѣдей бурыхъ
«Привезу я вамъ игрушки:
«Двѣ казацкія нагайки,
«Полицейскихъ два свистка!
«Полно плакать, радость сердца!
«Уложи бѣлье въ корзину,
«Не забудь въ дорожный ящикъ
«Больше мыла положить!

ГИЛЬОМЪ ZZ.

Хитрый колобокъ.

(Сказка для совсѣмъ маленькихъ редакторовъ).

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Вотъ и говоритъ старикъ:

— Испеки мнѣ, старая, колобокъ! Брюхо есть, ротъ есть, хочется ѣсть.

— Да изъ чего печь-то?

— Эхъ, старуха! У господъ попроси: у нихъ всякаго добра много! Поди къ литераторамъ потолкайся: по журналамъ поскреби, по газетамъ помети—вотъ и найдется, который редакторомъ назовется!

Старушка такъ и сдѣлала: по журналамъ поскребла, помела, мучки набрала, замѣсила мучку на соціальдемократической сметанкѣ, скатала редактора-колобка, изжарила его на Горькомъ маслѣ и положила на газетную бумагу студить.

Надоѣло колобку газету своимъ жиромъ пачкать; онъ и покатился съ газеты къ газетчику, отъ газетчика—къ читателю, отъ читателя—къ полиціи, отъ полиціи- къ юстиціи.

Катится колобокъ, а навстрѣчу ему чудо правосудное—самъ Обухъ жалуетъ.

— Колобокъ, колобокъ, я тебя съѣмъ!

— Нѣтъ, не ѣшь меня, Обухъ праведный! А лучше послушай, какую я тебѣ пѣсенку спою.

Обухъ дѣло за № 1-мъ развернулъ, а колобокъ затянулъ:

— Я — редакторъ-колобокъ!
По журналамъ скребенъ,
По газетамъ метенъ,
Самимъ Горькимъ жаренъ,
На „Новой Жизни“ стуженъ!
Отъ „большевиковъ“ ушелъ,
Отъ декадентовъ ушелъ
А отъ тебя, Обуха, нехитро уйти!

Далъ колобокъ Обуху подписку о невыѣздѣ и покатился дальше: только его Обухъ и нюхалъ.

Катится колобокъ по соціальдемократической дорожкѣ дальше, а навстрѣчу ему Предварилка.

— Ну, — говоритъ Предварилка, — я тебя, колобокъ, съѣмъ!

— Не ѣшь меня, Шпалерное украшеніе, возьми съ меня откупъ въ десять тысячъ, а я тебѣ пѣсенку спою!

И запѣлъ колобокъ:

— Я — редакторъ-колобокъ!
По журналамъ скребенъ,
По газетамъ метенъ,
Самимъ Горькимъ жаренъ,
На „Новой Жизни“ стуженъ!
Я отъ „большевиковъ“ ушелъ,
Отъ декадентовъ ушелъ,
Отъ Обуха ушелъ,
А отъ тебя, Предварилки,
Не хитро уйти!

Покатился колобокъ дальше, только его и видѣли...

———

Милыя дѣти-редакторы, вспомните о судьбѣ Минскаго. И если ему удалось уйти отъ Обуха и Предварилки, то это еще не значитъ, что вы не попадетесь на мордочку госпожѣ Лисѣ, которая не замедлитъ васъ скушать.

Когда она скажетъ «гамъ», — будетъ уже поздно. Поэтому лучше... читайте чужія газеты и журналы и памятуйте, что обуха никакою плетью не перешибешь.

АФАНАСЬЕВЪ, НО НЕ ТОТЪ.

Пойманная птичка.

(Не-вольное подражаніе).

Стихотворный діалогъ между нѣкіими... дѣтьми и птичкой.

А! Попался, братецъ! Стой!
Не уйдешь изъ клѣти,
Не разстанемся съ тобой
Ни за что на свѣтѣ!
  Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я вамъ,
  Нѣкія вы дѣти?
  Я—свободный гражданинъ,
  Отоприте клѣти!
Нѣтъ, не пустимъ, братецъ, нѣтъ,
Оставайся съ нами.
Мы дадимъ тебѣ совѣтъ —
Не болтатъ съ «шпиками»!
  Я совѣтовъ не люблю
  И кляну шпіоновъ,
  Я насилья не терплю,
  Требую законовъ!
Надо всѣ ихъ позабыть,
Не было-бъ печали!
Уменьшите вашу прыть:
Мы-бъ васъ не ласкали!
  Вѣрю, дѣти! Но для насъ
  Вредны эти ласки:
  Съ нихъ закрыла бы какъ разъ
  Я на вѣки глазки!
Правда, правда, птичка! Ты
Не снесешь неволи!
Ну, такъ Богъ съ тобой: сиди
И мечтай о волѣ!

Ч.-Ч.

1905 г.

(Отрывокъ изъ адской хроники).

...Въ томъ году дьяволъ болѣе чѣмъ, когда либо, чувствовалъ свою связь съ землею. Пользуясь абсолютнымъ отсутствіемъ вѣры въ свое существованіе, онъ совершенно открыто бродилъ по улицамъ большого города, прислушиваясь къ возбужденнымъ толкамъ толпы.

По утрамъ, одѣтый въ поддевку, входилъ онъ въ трактиры и чайныя, спрашивалъ чего-нибудь закусить и заводилъ разговоры съ сосѣдями. Его слушали мелкіе лавочники, извозчики, заѣзжіе крестьяне, потѣя отъ чая и отъ ужаса, внушаемаго его рѣчами. Чортъ чаще всего говорилъ о послѣднихъ временахъ, о неизбѣжности антихристова пришествія. Указывалъ также виновниковъ народнаго бѣдствія, порицалъ забастовки. Говорилъ плавно, истово, съ убѣжденіемъ, пускалъ слезу. Уходилъ, оставляя за собою атмосферу озлобленія, и на улицѣ съ пріятностью потиралъ руки.

Иногда, въ наемной каретѣ, заѣзжалъ онъ на биржу, искусно придавъ себѣ внѣшность состоятельнаго банкира. Тамъ среди хаоса падающихъ и поднимающихся бумагъ, дутыхъ цѣнностей и лопающихся предпріятій, чувствовалъ онъ себя возбужденнымъ и пускалъ, одинъ за другимъ, нелѣпые и эффектные слухи.

Потомъ онъ обѣдалъ въ приличныхъ ресторанахъ, заводилъ знакомства съ неуклюжими провинціальными помѣ-

щиками и пугалъ ихъ перспективою аграрныхъ безпорядковъ. Послѣ обѣда выходилъ на проспектъ, втирался въ толпу гуляющихъ и искренно забавлялъ себя, бросаясь время отъ времени въ сторону и крича:

«Стрѣляютъ»!

Вечеромъ, одѣтый въ потертый пиджакъ съ торчащими изъ-подъ воротника цвѣтной рубашки кистями шнурка, проникалъ онъ на многолюдные митинги и собранія. Тамъ онъ знакомился съ публикою, выказывалъ большую начитанность, заявлялъ себя большевикомъ. Меньшевиковъ же называлъ предателями и горько при этомъ усмѣхался.

Побывалъ онъ также на засѣданіяхъ «Союза русскихъ людей» и правового порядка; добылъ, прикинувшись помѣщикомъ черноземной губерніи, билетъ въ Русское собраніе. Но тамъ онъ конфузливо жался къ стѣнамъ, чувствуя себя неспособнымъ сказать что-либо новое, оригинальное, свое.

Видѣли его, затѣмъ, въ пріемной всесильнаго министра. Выдавъ себя за корреспондента одной весьма распространенной англійской газеты, онъ, говорятъ, болѣе часу бесѣдовалъ съ нимъ о Россіи. Прощаясь, министръ благодарилъ дьявола, а дьяволъ высказалъ увѣренность, что они еще разъ увидятся.

— «Я знаю, какъ спасти Россію»,—сказалъ послѣ этого министръ явившейся къ нему депутаціи.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о пребываніи дьявола въ странѣ снѣговъ—крайне сбивчивы и противорѣчивы. Нѣкоторые утверждаютъ, что встрѣтили его въ похоронной процессіи, сопровождавшей убитаго рабочаго. Онъ, будто бы, казался крайне удрученнымъ и говорилъ что-то объ отмщеніи.

Другіе свидѣтельствуютъ, что дьяволъ, обернувшись приватъ-доцентомъ, проникъ въ казармы гвардейскаго полка и говорилъ долго о присягѣ. Достовѣрно извѣстно лишь то, что декабрьскіе дни дьяволъ провелъ въ Москвѣ. Тамъ онъ бродилъ по улицамъ, не потрудившись хотя бы нѣсколько облагообразить свой видъ, съ утра до ночи, какъ полоумный, шатался по покойницкимъ и кладбищамъ. Выдавъ себя за родственника одного изъ убитыхъ, онъ обыскивалъ, обнюхивалъ трупы, тихо подвывалъ отъ восторга и назойливо приставалъ къ сторожамъ, прося ихъ перевернуть трупы и

показать сквозныя раны. Выброшенный кѣмъ-то за дверь, онъ долго и жалобно скулилъ, сзывая публику и крича о насиліи.

А къ концу мѣсяца вернулся, говорятъ, въ Петербургъ и встрѣчалъ Новый годъ въ «Медвѣдѣ».

ГИЛЬОМЪ ZZ.

Ловля мухъ, или Цензоръ въ далекомъ будущемъ.

Смерть и жизнь.

(Набросокъ).

У нихъ никогда не было мужества. Сидя дома, за стѣнами, скрываясь въ подземельяхъ отъ выстрѣловъ, веселясь, разговаривая, за обѣдомъ, въ спальнѣ, въ театрахъ ихъ не покидалъ ужасъ и кровавые призраки.

У нихъ были слабыя легкія, и имъ трудно до боли дышалось въ ихъ свободныхъ казематахъ, которые назывались у нихъ домами, храмами, ресторанами, цирками, присутственными мѣстами.

И многіе изъ нихъ уходили... Куда? Они не знали сами.

Имъ хотѣлось уйти отъ жизни, отъ ежедневныхъ явленій человѣческаго перерождающагося общества. Они бросали съ отвращеніемъ газеты, потому что изъ-за каждой строчки на нихъ глядѣлъ безумными глазами холодный, ледяной ужасъ и подмигивалъ имъ, какъ сумасшедшій.

У нихъ портилось пищеваренье, кружилась голова, опускались руки. Не хотѣлось работать, а весельчаки, при встрѣчахъ другъ съ другомъ, говорили:

— У меня зеленая тоска!

На что другой отвѣчалъ:

— Да еще съ кровяными крапинками!

И они улыбались другъ другу, какъ улыбаются покойники.

Эти люди были жалки. Но они жили, они не могли покончить съ собою, прекратить свои страданія.

Жалкая жизнь...

* * *

Я слышалъ голосъ, мощный, сильный, молодой и увѣренный.

— Тебѣ тяжело? А что ты сдѣлалъ, чтобы облегчить свое существованіе? Ты заботился о себѣ, какъ бы ты былъ одинъ на всемъ земномъ шарѣ... А такихъ, какъ ты, — милліоны...

И отъ этихъ словъ въ душу закрадывалась эгоистическая радость. Было уже не такъ тяжело, а голосъ звучалъ:

— Ты опьянѣлъ отъ запаха крови! Кровь, всюду кровь. Люди ни о чемъ больше уже не говорятъ, какъ о смерти, черепахъ, крови... Въ ихъ представленіи рисуются трупы, съ вытаращенными глазами. безнуждныя, раннія смерти. Всюду смерть, смерть, смерть...

Мнѣ становилось страшно.

— Вы сами запугали себя. Слабые, жалкіе, трусливые. А гдѣ и когда другою цѣною покупалась свобода и жизнь? Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ не было разстрѣловъ, пытокъ, мученій? Гдѣ не ссылались люди за слова убѣжденья? гдѣ не гнали ихъ во имя высшей справедливости? Вы хотите свободы!.. Такъ хотѣли ее и другіе, жившіе раньше васъ. И ихъ гнали такъ же, какъ и васъ. Они гибли... Но свѣтъ не померкъ. Онъ живетъ. И что бы не совершалось кругомъ васъ, не померкнетъ свѣтъ, не исчезнетъ стремленіе къ нему... Свѣтъ не меркнетъ!..

А кругомъ слышались вздохи, причитанья, слезы текли ручьями.

Н.—ВЪ.

Редакторъ-издатель И. Е. Плехановъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ

„ВѢСЫ".

1906. Годъ изданія третій.

Задача «Вѣсовъ»—знакомить съ новѣйшими теченіями искусствъ, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ. Въ 1906 г. программа журнала расширена и въ немъ будутъ печататься: романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія, статьи по вопросамъ общественнымъ и философскимъ біографіи и характеристики современныхъ писателей и художниковъ. Кромѣ того, каждый № «Вѣсовъ» даетъ подробный обзоръ культурной жизни всего міра, въ критическихъ замѣткахъ о новыхъ книгахъ, русскихъ и иностранныхъ, въ отчетахъ о художественныхъ выставкахъ, о замѣчательныхъ спектакляхъ и концертахъ, и т. п. «Вѣсы» имѣютъ собственныхъ корреспондентовъ въ главныхъ городахъ Зап. Европы. Всѣ №№ «Вѣсовъ» иллюстрированы оригинальными рисунками и виньетками.

Участіе въ «Вѣсахъ» принимаютъ: К. Бальмонтъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Максъ Волошинъ, З. Гиппіусъ, Вяч. Ивановъ, Маркъ Криницкій, Н. Лернеръ, Д. Мережковскій, проф. В. Морфилъ, П. Перцовъ. Ст. Пшибышевскій, В. Ребиковъ, В. Розановъ, Ѳ. Сологубъ, Д. Философовъ и мн. др.

Подписная цѣна (12 книгъ) съ пересылкойпо Россіи **пять** рублей. Подписка принимается въ редакціи: Москва, Театральна пл., д. Метрополь, кв. 23.

Редакторъ-издатель **С. А. Поляковъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1906 годъ (третій годъ изданія)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВДА

Въ наши дни группировки общественныхъ силъ, когда по всей русской землѣ идетъ усиленная ломка и всеобщее партійное строительство, ПРАВДА ставитъ своей задачей быть неизмѣннымъ выразителемъ интересовъ рабочаго класса и проводникомъ той его идеологіи, которая во всѣхъ странахъ была ему всегда надежнымъ компасомъ и служила и служитъ залогомъ побѣдъ.

Въ 1906 году ПРАВДА выходитъ въ свѣтъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: Б. В. Авиловъ, Ю. Адамовичъ, П. Аксельродъ, Леонидъ Андреевъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, П. Берлинъ, Ив. А. Бунинъ, Ив. А. Бѣлоусовъ, Н. Валентиновъ, К. Н. Вентцель, Л. Войтоловскій, Г. Галина, Т. Б. Гейликманъ, Н. Гилинъ, Сергѣй Глаголь, С. Н. Головачевскій, Максимъ Горькій, Е. П. Гославскій, И. Гриневская, Вл. Громанъ, Г. А. Гроссманъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, И. Гурвичъ, А. Гущинъ, Ф. Данъ, И. Джонсонъ, А. А. Дивильковскій, В. І. Дмитріева, І. Г. Дроздовъ, С. Елеонскій, Б. К. Зайцевъ, В. И. Засуличъ, П. Звѣздичъ, Карлъ Каутскій, Н. И. Іорданскій, П. А. Кожевниковъ, А. М. Коллонтай, О. Е. Коршъ, А. Р. Крандіевская, Н. А. Крашенинниковъ, А. И. Купринъ, В. Н. Ладыженскій, З. Ленскій, Дм. Лещенко, Максъ Ли, А. Е. Лозицкій, А. В. Луначарскій, В. Львовъ, Роза Люксембургъ, П. Д. Манычъ, Л. Мартовъ, П. П. Масловъ, Л. С. Миноръ, В. М. Михеевъ, С. А. Найденовъ, Л. Ф. Нелидова, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, М. И. Оленовъ, М. Ольминскій, В. Ольховскій, Вл. Орликъ, Е. Орловъ. Парвусъ, Г. В. Плехановъ, К. М. Пономаревъ, А. Н. Потресовъ, (Старовѣръ), Мих. Радловъ, Г. И. Россолимо, О. М. Рунова, Д. Сатуринъ, Орестъ Семинъ, А. Серафимовичъ, Н. А. Скворцовъ. Скиталецъ, Вас. Смирновъ. Е. Л. Смирновъ, Ю. Стекловъ, С. А. Суворовъ, Н. Танъ, Н. Д. Телешовъ, Н. П. Тимковскій, Вл. Уманскій, В. М. Фриче, А. В. Цингеръ, Анс. Чеботаревская, В. И. Шарый, Левъ Шейнисъ, В. М. Шулятиковъ, В. А. Щерба, Семенъ Юшкевичъ, А. А. Яблоновскій, Н. Янкевичъ, П. М. Ярцевъ, А. М. Ѳедоровъ и многіе другіе.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Томскѣ и Иркутскѣ, Вильнѣ, Баку, Кишиневѣ, Севастополѣ, Саратовѣ и другихъ городахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: годъ 8 р. (съ дост. и перес.), четверть 2 р. За-границу 10 р. 80 к. за годъ и 2 р. 70 к. за четверть.

Допускается разсрочка. Допускается выписка наложеннымъ платежемъ (на 50 к. дороже). Въ уплату принимаются почтовыя марки.

Адресъ редакціи: Москва, Кудрино 1, телефонъ, 73—10.

Адресъ конторы: Москва, Мясницкая 4, телефонъ 50—08.

Подписка [illegible] ихъ магазинахъ.

[illegible] ал. Кожевниковъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„БЫЛОЕ“

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Издаваться онъ будетъ по слѣдующей программѣ:

1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія Россіи.

2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

5) Историческая библіографія.

6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ Журналѣ будутъ помѣщаться портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Кромѣ окончанія помѣщенныхъ въ январьской книжкѣ статей **В. И. Семевскаго** и **П. Е. Щеглова**, въ ближайшихъ книжкахъ „Былого“ будутъ помѣщены; **А. И. Герценъ**—Неизданная статья (съ разрѣшенія А. А. Герцена): **Н. П. Павловъ-Сильванскій**. П. И. Пестель (по подлинному дѣлу и др. источникамъ); **П. Е. Щегловъ**.—Семенъ Олейничукъ (умершій въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая I) и Агитаціонная литература декабристовъ; **М. К. Лемке**—Процессы Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевскаго и Н. А. Серно-Соловьевича (по подлиннымъ дѣламъ); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній (объ Алексѣевскомъ равелинѣ); **М. Ю. Ашенбрейнеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о послѣднихъ дняхъ И. Н. Мышкина, разстрѣляннаго въ Шлиссельбургѣ); **С. А. Ивановъ**—Изъ воспоминаній; **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній; **А. П. Прибылева-Корба**—Изъ воспоминаній; **И. И. Майновъ**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб.; на 1/2 года—4 руб.; на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, д. 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки журнала продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы: { В. Я. Богучарский
П. Е. Щеголевъ
Издатель [illegible] П. Парамоновъ.

7-50
216555/ina

Цѣна 20 коп

Типографія Я. Балянскаго, Забалканскій, 18.